

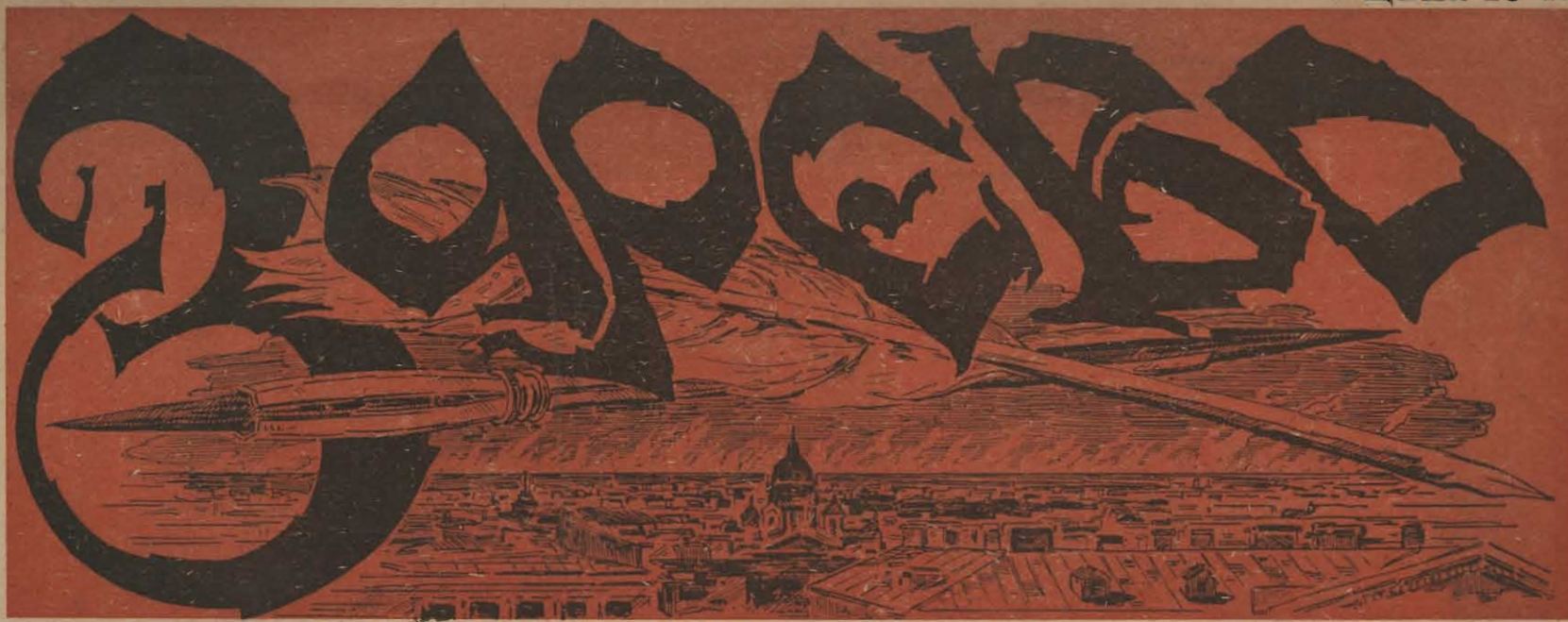
Цена 10 к.

DK 262

.R9

Rare book

com.

Еженедельный Журналъ.

Февраль.

№. 1.

Зарево.

Медленно, вяло тянулись они—
Темные ночи, ненастные дни,
Родины ночи и дни.
Вспыхнув внезапно, порой западали
Искры свѣта въ туманные дали,
Но подъ дыханьемъ грозы увядали,
Вѣтеръ ревнивый, исполненный силъ,
Ихъ безъ пощады мгновенно гасилъ,
Въ тайную глубь уносилъ.

Медленно шли мы тернистымъ путемъ,
Плакали тучи холоднымъ дождемъ,
Мракъ разстилался кругомъ...
Шли мы, не зная покоя, отрады,
Шли черезъ дебри глухія, преграды;
Наши заженные ярко лампы
Сѣяли теплый и радостный свѣтъ,
Нивамъ, заглохшимъ безъ весень и лѣтъ,
Свой посылали привѣтъ.

Много насъ пало дорогою той
Жертвой обильною вѣры святой
Въ день золотой...
Пало въ невѣдомыхъ тундрахъ, гдѣ вѣчно
Звѣри да выюги гуляютъ безпечно,
Дикія зимы царятъ безконечно;
Въ душныхъ тюрьмахъ, казематахъ глухихъ,
Въ бѣдныхъ селеньяхъ, дубравахъ сухихъ,
На мостовыхъ городскихъ.

Не было жалобъ на блѣдныхъ устахъ,
Муки раскаянья въ скорбныхъ чертахъ,
Не было слезъ на глазахъ.
Пало.. но падали съ ними лампы
И, разбиваясь, дробясь о преграды,
Все зажигали кругомъ безъ пощады...
Да, безъ пощады, — и вотъ надъ страной
Зарево алой виситъ пеленой.

И. Гурвичъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Историкъ.

(Отрывокъ изъ неоконченной драмы).

(Мрачная комната; догораетъ свѣча; на прочномъ столѣ
огромная книга; историкъ пишетъ).

Еще два-три послѣднія сказанья
И лѣтопись окончена моя!
Двадцатый вѣкъ я описалъ подробно,—
Могу теперь уснуть спокойно я! (задумывается).

Ахъ, да! Записать надо:

Всего хотъ только десять словъ,
Какъ храбрый генераль Орловъ
Своимъ отрядомъ изъ траншеи
Гналъ возмущенныхъ латышей! (пишетъ).

Еще обязательно нужно записать:

Какъ въ Финляндіи холодной
Успокоили мятежъ,
Въ польской смутѣ всангродной
Принимали мѣры тѣ-жъ! (пишетъ).

Записать нужно обязательно:

Какъ казаки и жандармы
Разгоняли всюду тьму,
Какъ матроскія казармы
Представлялись въ тюрьму! (пишетъ).

Записать нужно обязательно, обязательно
записать:

Съ этого-бы и начать
Мнѣ писать свои листы,
Какъ свободную печать
Гнали въ крѣпость и „крестьян!“ (пишетъ).

А это ужъ обязательно записать нужно:

Это первый случай въ мірѣ,
Не припомню я момента:
Чтобъ скакала сразу рента
Со ста въ семьдесятъ четыре! (пишетъ).

Обязательно записать! Записать обязательно:

Въ деревняхъ движеніе,
Голодъ, недородъ,
По войскамъ оруженіе,
И подводный флотъ... (пишетъ).

Можно бы еще записать обязательно:

Но гнѣвъ цензуры я боюсь навлечь...
Промчалась быстро ночь... Пора прилечь...
Съ двадцатымъ вѣкомъ бѣдное знакомство
Получить здѣсь грядущее потомство!

(Складываетъ листы и тушитъ свѣчу).

Никола.

Изъ жизни голоднаго села.

(Сказка).

Утромъ только разсвѣло,
Всполошилось все село:
Сотскій избы обходилъ,
Кто не всталъ еще,—будиль,
Забѣгалъ и въ кабачки,
Не сидятъ ли мужички;
Подъ собой не чуя ногъ,
Еле двигаться онъ могъ:
Вѣдь не мало всѣмъ заботъ,
Коль назначенъ сельскій сходъ...
Собирались мужички,
Молодежь и старички,
Обсуждать должны дѣла
Ихъ родимаго села:
Какъ и прошлый, этотъ годъ
Обѣщаетъ недородъ...
Надо сѣять,—какъ тутъ быть,
Коль зерна не раздобыть:
Нѣтъ ни проса, ни овса,—
Заростаеъ полоса...
Плачутъ бабы, старички,
Съ голодовки мужички,
Да къ тому-жъ еще война,—
Слишкомъ памятна она,—
Всѣхъ кормильцевъ увела
Изъ родимаго села...
Судятъ эдакъ, судятъ такъ,
Лишь молчитъ Иванъ-дуракъ.
Говорили—дѣдъ Евсей,
Косоглазый Алексѣй,
Что вездѣ у нашихъ баръ
Полонъ хлѣбушка амбаръ...
Предлагали Филимонъ,
Тимоей и Парамонъ
У сосѣдей попросить:
Дескать, сможемъ погасить

Долгъ мы ровно черезъ годъ,—
Вѣдь не вѣчно-жъ недородъ!
Говорилъ еще Ѳедуль,
Дядя Павелъ и Варуль,
Хромоногій дѣдъ Касьянъ
И подвыпившій Демьянъ;
Говорилъ и старъ, и младъ
На одинъ и тотъ же ладъ:
Надо сѣять,—нѣтъ овса,
Заростаеъ полоса.

Поднялся Иванъ-дуракъ
И промолвилъ сходу такъ:
—„Въ городу я слышалъ вѣсть,
„Губернаторъ будто есть,
„Я къ нему сейчасъ пойду
„И повѣдаю бѣду!“

Встрепенулись мужички,
Молодежь и старички:

„Ай да Ванька! Инъ дуракъ,
„А придумалъ славно такъ!
„Но иди ты не одинъ,
„Пусть идетъ и Константинъ,
„Дядя Павелъ и Варуль,
„Филимонъ, Лука, Ѳедуль,
„Косоглазый Алексѣй
„И разумный свать Евсей!“

Помолились старички,
Въ путь пустились мужички.
Скачетъ весело Иванъ,
Словно взялъ его дурманъ,
Къ губернатору идетъ,
Мужичковъ съ собой ведетъ.

* * *

Не дождутся мужички,
Мужички—не простачки,—
Скоро-ль выполнить Иванъ
Порѣшенный сходомъ планъ:
Голодовка подвела
Животы всего села.
Губернаторъ дастъ отвѣтъ,
Какъ избавится отъ бѣдъ,
Будетъ горести конецъ!
„Губернаторъ—ѣтъ отецъ!“

* * *

Утромъ только разсвѣло,
Всполошилось все село:
Изъ невѣдомыхъ сторонъ
Мчится цѣлый эскадронъ
Словно въ битву на войнѣ...
Ванька тоже на конѣ,—
Дурень-Ванька, хотъ и простъ,
Крѣпко держится за хвостъ.

Письмо.

Что призадумался, молодецъ,
Голову низко склонилъ?
Даже слезинку невольную
Ты на письмо уронилъ?

Ясный твой взоръ затуманился,
Блѣдность покрыла чело;
Вѣрно, дурное извѣстие?
Горе письмо принесло?

„Это письмо изъ Голутвино,—
Молодецъ тихо сказалъ,—
„Пишутъ мнѣ братья, что батюшка
„Долго намъ жить приказалъ;

„Что безъ суда и безъ слѣдствія
„Онъ офицеромъ казненъ:
„Будто бы въ списокъ крамольниковъ
„Былъ по фамилии онъ.

„Но, на бѣду, оказалось:
„Родный ошибкой попалъ!
„Самъ командиръ соглашается:
„Батюшка безвинно пропалъ!

„Слышь принесли извиненіе
„Матушкѣ нашей—вдовѣ:
„Могутъ быть, дескать, погрѣшности:
„Списокъ составленъ въ Москвѣ!

„Стала семья безъ работника,
„Стала семья безъ отца...
„Что мои братья цѣлехоньки,
„Видно, въ томъ милость Творца!

„Еслибъ мнѣ плечи могучія
„Я бы родимой помогъ...
„Нѣту мнѣ воли и силушки...
„Вѣрю: поможетъ имъ Богъ!“

Снова задумался молодецъ,
Голову ниже склонилъ,
Снова слезинку невольную
Онъ на письмо уронилъ!

Владиміръ В.

* * *

Спитъ деревня бѣдная
На землѣ родной,
Полузанесенная
Снѣжной пеленой...

* * *

Волки воютъ лютые,
Зубы ихъ стучать...
Вороны зловѣщіе
Жалобно кричатъ...

* * *

Падалъ чуютъ хищники...
Много мертвыхъ тѣлъ:
Казни, избіенія,
И разстрѣль, разстрѣль...

* * *

Спи, деревня бѣдная!
Снѣжной пеленой
Вѣдь закрыто многое
На землѣ родной!

В. Тр—овъ.

Всѣ руками развели,
Какъ къ допросу повели...
„Отчего-жъ Иванъ одинъ?!“
„Гдѣ же дядя Константинъ,
„Дядя Павелъ и Варулъ,
„Филимонъ, Лука, Оедулъ,
„Косоглазый Алексѣй
„И разумный сватъ Евсей?!“
Но дуракъ-Иванъ молчалъ,
Головою лишь качалъ...

* * *

Шелъ мужикъ Илья съ работъ,
Не былъ здѣсь онъ ровно годъ:
Все знакомыя мѣста...
„Отчего же нѣтъ креста,

„Коли тутъ теперь погостъ?
„Вспоминаю: рѣчка... мостъ...
„Были тутъ мои поля!“
Испугался сватъ Илья...
Онъ къ избѣ своей пошелъ,
Но избы онъ не нашелъ.
И, завидѣвъ эскадронъ,
Прошепталъ въ испугѣ онъ:
— „Нѣтъ родимаго села!
„Дивны, Господи, дѣла!“

В. Трофимовъ.

„Изъ крови, пролитой
за право, возгорится яр-
кое солнце права“.

Темною ночью, холодною ночью на
небѣ зажглася звѣзда золотая.

Окомъ блестящимъ на темное небо
взглянула она и въ мерцаніи робкомъ
въ пространство лучи уронила.

Въ стройной гармоніи тамъ, міро-
вому послушны закону, свой путь про-
ходили планеты и звѣзды, сіяя лучами
въ пространствѣ.

Группы міровъ пробѣгали предъ нею
въ движеніи вѣчномъ, въ безсмертной
системѣ.

Звонкія струны—лучи золотые дро-
жали и въ дивныхъ аккордахъ гимны
слагали Творцу бытія, Вседержителю
царства вселенной.

Все было дивно прекрасно въ про-
странствѣ и вѣчной красою полно,—
и безсмертнымъ покоемъ и миромъ

дышало движеніе планетъ и созвѣздій.

Вдругъ вдалекѣ, безъ лучей, вся оку-
тана краснымъ туманомъ, кровавымъ
туманомъ насилія—земля показалась.

Стоны, тяжелые стоны безправья,
страданья и рабства мощно врывались
въ гармонію дивную гимна Творцу
бытія, Вседержителю царства все-
ленной.

Мракъ и ужасъ, дыханіе смерти,
убійство, болѣзни и голодъ, борьба
вѣковая, насиліе—сливались въ страш-
ной симфоніи, полной рыданій и боли.

Красный туманъ временами срывало
дыханіе вѣтра, и волны горячія крови
людской клокотали тогда надъ зем-
лей, — и предъ страшной картиной
ока отвести не могла золотая звѣз-
да, и лучи погрузила въ кровавое
море.

Чудо свершилось: по свѣтлымъ лу-
чамъ заструилась горячая кровь къ
небесамъ, поднимаясь все выше и вы-
ше къ звѣздѣ лучезарной.

Кровью горячей питаюсь, звѣзда раз-
горалась все ярче и ярче, и свѣтомъ
кровавымъ сіяла.

Кровью горячей питаюсь, звѣзда раз-
горалась въ могучее красное солнце.

Кровью горячей питаюсь, звѣзда раз-
гоняла лучами тягостный мракъ, надъ
землею нависшій.

Кровью горячей питаюсь, звѣзда со-
грѣвала застывшую въ холодѣ землю.

Кровью горячей питаюсь, звѣзда осу-
шала кровавое море.

В. Михайловичъ.

На краю.

Безбрежное счастье мнѣ тихо сулятъ
Грядущаго свѣтлые годы,
И радужный полдень чаруетъ мой взглядъ,
И бурное сердце мое веселятъ
Лучи долгожданной свободы...

О радости новой побѣдно звони,
Листва пробужденнаго лѣса:
Невольничьей жизни гнетущіе дни
Умчались, и вновь не воскреснуть они,—
И сумерокъ пала завѣса!.

Въ янтарномъ привольѣ росистыхъ луговъ
Не вспыхнуть минувшей печали:—
Мнѣ душу встревожилъ таинственный зовъ;
Желѣзные кольца гремучихъ оковъ,
Разбившись, уже отзвучали!

Ликующимъ солнцемъ, рождающимъ свѣтъ,
Плѣненный во мракѣ пустынномъ,
Я келью разрушилъ, исполнивъ обѣтъ;—
Для узника счастья лучшаго нѣтъ!—
И вышелъ къ зацвѣтшимъ равнинамъ...

Я гимны хвалебные солнцу пою,
И сердце рокошетъ, какъ лава...
Великой дороги на свѣтломъ краю
Свободѣ я пѣсню слагаю мою,
Свободѣ—великая слава!

М. П.

О Н А.

Идетъ она поспѣшно твердымъ шагомъ,
Глаза ея, какъ молніи, горятъ,
Идетъ впередъ съ побѣднымъ краснымъ флагомъ,
И за отрядомъ падаетъ отрядъ...

Она ведетъ кровавыя сраженья,
Вездѣ всегда могуча и страшна,
Она въ пути не знаетъ пораженія,
И съ ней борьба безумна и смѣшна.

Она страной несчастною владѣтъ,
Ей силы мрачныя въ побѣдѣ помогли,
И рать борцовъ отчаянныхъ рѣдѣтъ:
Всѣ лучшіе давно ужъ полегли...

Идетъ сраженіе грозное вѣками,
И съ каждымъ годомъ все сильнѣе врагъ!
Напрасно Жизнь дрожащими руками
Стремится взять ея побѣдный флагъ!

— Овѣ.

У моря.

Вскипѣло безбрежное море;
Сквозь дымку предутренней мглы
На всемъ необъятномъ просторѣ
Бѣлѣютъ гиганты—валы.

Несется ихъ дикая стая,
Какъ рать боевая враговъ,
И хлещутъ, стремглавъ налетая,
О стѣны крутыхъ береговъ.

Какъ будто призывъ долетаетъ:
„Зачѣмъ эта груда камней
„Свободный нашъ путь преграждаетъ?
„Дружнѣе-же, братья, дружнѣй!“

Порою въ раздумьи угрюмомъ
Утесы слегка задрожать,
И волны съ торжественнымъ шумомъ
Смѣлѣе на приступъ спѣшать.

Такъ бурно разгнѣвано море,
И столько въ немъ злобы кипитъ,
Что кажется—скоро, ужъ скоро
Преграды оно побѣдитъ.

И. Любимъ.

Fra diavolo.

Кто-то во тѣмѣ шевелится,
Тихо ползетъ средь могилъ...
Вѣтеръ, нахмурившись, злится,
Тучами небо покрывъ..

Кто-то тамъ яму копаетъ,
Черные трупы несетъ...
Зимняя выюга рыдаетъ,
Скорбная пѣсни поетъ...

Братскою кровью залитый,
Каинъ ползетъ, какъ змѣя...
Стонутъ могильныя плиты,
Дышетъ проклятемъ земля...

Матвей Мазель.

Кому живется весело.

Коль знать тебѣ желательно,
Ты у меня спроси,
Кому живется весело,
Вольготно на Руси.

Живется интеллигентскому
Чиназнику легко...
Почтово-телеграфному
До счастья далеко!

Вольготна губернагорамъ:
Имъ же о чемъ гужить...
Но вотъ за то редакторамъ
Нельзя на свѣгѣ жить!

Вольготна полицейскому,
„Гороховымъ пальто“, —
Простому обывателю
Ужъ счастье не то!

Коль знать тебѣ желательно,
Ты у меня спроси:
Скажу тебѣ секретно я,
Кто счастливъ на Руси!

Иному жить вольготнѣе,
Иному тяжелѣй!..
Неси свой крестъ безропотно,
Да слезъ поменьше лей!

Послѣднія извѣстія.

Слава Богу, все спокойно...
Жизнь течетъ повсюду стройно..
Получила въ даръ печать
Разрѣшеніе—молчать.
Нѣтъ охраны у вокзаловъ,
Конфискаціи журналовъ,
И редакторовъ въ тюрьму
Тащатъ въ день по одному.
Крушеванъ за „обольщенье“
Ищетъ тоже помѣщеніе;
Чтобы славу приобрести,
Онъ рѣшилъ, коль мѣсто есть,
Позабывъ литературу,
Въ Думу дать кандидатуру...
Дума будетъ ли дана,
Скажетъ будущность одна.
По тюрьмамъ и по острогамъ,
Казематамъ и дорогамъ
Нѣтъ преступниковъ—дѣтей,
Нѣтъ и гибельныхъ затѣй!
Нѣту въ Гомелѣ погрома,
Нѣтъ пожара и разгрома,
Черной сотни не видать,—
Всюду миръ и благодать.
Нѣтъ голодныхъ и бездомныхъ,
Нѣтъ арестовъ безконтрольных,
Нѣтъ „гороховыхъ пальто“,
Словомъ, стало все—не то...
Заживаютъ наши раны
Отъ усиленной охраны!
Ожидаемъ страстно мы,
Что исчезнетъ призракъ тымы!

Монологи.

I.

Могильщика.

Тутъ чье-то тѣло?! Пролетарій
Опять повѣсился на крестъ!
Пожалуй нѣтъ отъ этихъ парій!
Въ участкѣ заявлю протестъ:
Маль, не хватаетъ даже силъ
Копать по сорокъ пять могилъ...
Не примутъ мѣръ,—я забастую.
Пойду копать сорокъ шестую!

II.

Редактора.

Прощай, жена, прощайте, дѣти,
Прощай, моя старушка мать:
Ужъ врядъ ли мнѣ на этомъ свѣгѣ
Васъ доведется обнимать!
Пускай считаетъ, что я померъ,
Осиротѣлая семья:
Журнала вышелъ первый номеръ,
Редакторомъ въ которомъ я!

III.

Обывателя.

Обыскъ всюду поголовно:
Я не сплю спокойно ночь!
Вѣдь могу я безусловно
Въ ожиданіи занемочь!
Обыватель я примѣрный,—
Обыщите-жъ вы меня:
Хоть я буду на Шпалерной,
Но усну спокойно я!!

Дай ты, Господи, народу
Сохранить свою свободу!
Исцѣли его ты раны,
Къ цѣли истинной направь,
Отъ усиленной охраны
Навсегда его избавь!

Хроника.

Вышелъ № 1 новаго литературно-сатирическаго журнала и, ко всеобщему удивленію, не конфискованъ. Редакторъ на свободѣ. Сенсационный случай и къ тому же первый со дня освобожденія закрѣпощенной печати.

Цензура, какъ извѣстно изъ достоверныхъ источниковъ, отмѣнена совершенно. Главное управленіе по дѣламъ печати уничтожается. Цензура упраздняется. Обязанность ея возлагается на метранпажей, факторовъ и управляющихъ типографій; за напечатаніе литературно-сатирическихъ журналовъ типографіи закрываются, а наборщики и прочие служащіе обрекаются на продолжительную голодовку. Весь литературный матеріалъ печатается за отсутствіемъ метранпажей типографій... Итакъ, да здравствуетъ свобода печати!

Редакторъ В. Трофимовъ.

Нельзя-жъ назвать меня безъядой
За то, что съ пылкою надеждой
Заемъ устроить заграницей
Простился съ невскою столицей!

Среди насмѣшекъ укоризны
Моей возлюбленной отчизны,
Домой на лаврахъ отдохнуть
Обратный я свершаю путь!

Отъ Редакціи.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ „Зарево“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара; при неисполненіи послѣдняго условія онѣ считаются бесплатными. Статьи, неудобныя къ печати, уничтожаются. Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ по субботамъ и средамъ отъ 4—6 час. Выдача гонорара по четвергамъ 4—6 час.

ОТКРЫТА ПОДПСКА:

на 1906 г.

на еженедѣльный

ЛИТЕРАТУРНО-

САТИРИЧЕСКІЙ

журналъ

ЗАРЕВО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ СПб. безъ доставки—въ годъ 3 рубля, съ доставкой и пересылкой во все города Россіи—5 р.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Издатель **А. К. Касаткинъ.**

Редакторъ **В. В. Трофимовъ.**

Подписка принимается въ конторѣ журнала *Спб., Невскій, 112.*

Еженедельный литературно-сатирический журнал.

Из записной книжки.

Мы спали долго, да! Но спали сномъ тревожнымъ,
Не такъ, какъ спать порой лѣнныя рабы;
Мы не мирились съ покоемъ нашимъ ложнымъ,
Но былъ неотвратимъ тяжелый гнетъ судьбы.

Трещали лютые безъ устали морозы
И вѣтеръ бушевалъ, какъ звѣрь пустыни, дикъ;
Подъ ихъ дыханіемъ въ мигъ застывали слезы,
И изсякалъ въ груди послѣднихъ силъ родникъ.

Но неожиданно вдругъ оттепель коснулась
Земли закованной въ тяжелую броню,
Громъ первый прогремѣлъ и вся страна очнулась
На встрѣчу теплomu смѣющему дню.

Какъ дымъ, разсѣялась гнетущая дремота,
Унынье пронеслось, какъ утрення мгла,—
И закипѣла вокругъ весенняя работа,
И жизнь весенняя широко потекла.

Изъ душныхъ уголковъ быстрѣй потоковъ горныхъ
Мы устремились на волю, на просторъ,
Не стало вздоховъ вдругъ нѣмыхъ и слезъ покорныхъ,—
Отвагой бодрою зажегся каждый взоръ.

И снова пусть теперь настанутъ непогоды,
Пусть вѣтеръ зарычитъ опять, какъ звѣрь лѣсной,—
Уже мы не уснемъ, не заглушатъ невзгоды
Стремленій и надеждъ, что расцвѣли весной.

Илья Гурвичъ.

Отрывокъ изъ поэмы.

— Пріѣхали, баринъ, вотъ наше село!
— Ну, полно шутить надо мной старику..
— Какія въ уста вамъ слова занесло,
Шутить? Не до шутокъ теперь мужику.

— Да гдѣ-жъ тутъ Глубокое, гдѣ тутъ оно?
Всего лишь, я помню, полгода назадъ
Кипѣло селенье, народомъ полно,
Шумѣло, какъ вѣтромъ колеблемый садъ.

За рядомъ тянулся рядъ новенькихъ хатъ;
Сквозь люки окошекъ такъ мило звучалъ
Привѣтливый, радостный хохотъ ребятъ,
А дѣдъ безпокойный лѣниво ворчалъ.

Всегда тутъ, я помню, вечерней порой
Дѣвицы и парни вели хороводъ,
Разсыпавшись мирно подъ темной горой,
Ихъ пѣснямъ внималъ отдыхавшій народъ.

А нынѣ—повсюду могильный покой,
Ни слова, ни звука живого кругомъ,
Разрушены избы, одна за другой
Дымятся во мракъ застывшимъ костромъ.

На кладбищѣ, право, куда веселѣй!
Какъ будто могучею бурей смело
И хаты, и говоръ, и жизни, и людей..
— Тутъ, баринъ, казацкое войско прошло.

И. Любимъ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

3' себя на панихиду.

Я сегодня въ дурномъ расположеніи духа... Лакеей подали мнѣ мой любимый халатъ и я утѣлся въ мягкое кресло. Со всѣми дѣлами я уже покончилъ утромъ... На столѣ лежали газеты и почта...

Я сталъ просматривать письма... А какъ пріятно сидѣть въ халатѣ въ мягкомъ уютномъ креслѣ!...

Приглашеніе на вилтъ, просьба о деньгахъ, отъ брата...

Что это?

Письмо въ траурной рамкѣ: кто нибудь умеръ?!

Я поспѣшно распечаталъ его:

— „NN съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ васъ о кончинѣ“...

Я широко раскрылъ глаза: стояли полностью мое имя, отчество и фамилія...

Я прочелъ вторично...

— Да, мое имя и фамилія! „Панихида въ 10 ч. веч. въ покойницкой Z-ской больницы!“

Я скомкалъ письмо и злобно швырнулъ его въ уголъ.

— Что за дикая шутка! Приглашать меня на мою-же панихиду! Удивительное остроуміе!

Настроеніе мое было въ концѣ испорчено...

Чтобъ разогнать негдѣшнее впечатлѣніе письма, я сталъ разбирать газеты...

Опять!

На первой страницѣ „Новаго Времени“ въ черной рамкѣ объявленіе:

„NN съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщаютъ о кончинѣ...“ Опять мое имя, отчество и фамилія.

„Панихида въ 10 ч. веч. въ покойницкой Z-ской больницы!“

Это уже слишкомъ! Эта шутка переходитъ всякія границы! Я долженъ разузнать во что бы то ни стало! И если мнѣ удастся найти шутника, дорого онъ мнѣ заплатится!

Я сталъ спѣшно одѣваться.

— Заѣду въ „Новое Время“, не знаютъ-ли тамъ, кто подастъ это глупое объявленіе?!

Мли заѣхать въ больницу узнать, кто лежитъ въ покойницкой?!

И велѣлъ поспѣшно подать лошадь...

Черезъ четверть часа я уже былъ у воротъ Z-ской больницы... Тамъ стоялъ сторожъ...

— „Гдѣ у васъ, любезный, покойницкая?“— спросилъ я его, подавая нѣсколько монетъ...

Сторожъ пристально на меня посмотрѣлъ...

— По двору прямо и потомъ направо...

— Пропустите меня туда!

— Не могу! Пожалуйте въ 10 ч. час. на панихиду!

— Въ 10 часовъ?— переспросилъ я, и почувствовалъ, что голосъ мой дрогнулъ...

Сторожъ улыбнулся...

Деревенскіе мотивы.

I.

Собралось въ избушкѣ бѣдной
(Только разсвѣло),
У Курилихи-вдовицы,
Цѣлое село...
Еще съ вечера всѣ хаты
Облетѣла вѣсть,
Что у свата Константина
Поль-газеты есть,—
Отъ проѣзжаго барченка
Онъ ее досталъ...
И Курилихинъ сынишка
Ванькѣ ужъ читалъ...
На селѣ онъ нынче первый
Парень—грамотѣй,
Нѣтъ почти во всей округѣ
Парня развитѣй!
Съ чувствомъ громко началъ чтенье
Мужичкамъ ловкачъ:
Дѣвки, бабы—съ первой строчки
Поднимаютъ плачъ...
Грустно голову склонивши,
Мужички сидятъ,
Сердцемъ жадно ловятъ вѣсти,
На чтеца глядятъ...
Въ уголь жмутся ребятишки,
Всѣхъ обуялъ страхъ:
Слово вымолвить боятся,—
Слезы на глазахъ...
Даже съ печи не слѣзавшій
Много-много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и хнычетъ,
Хотъ не слышетъ, дѣдь...

А Курилихинъ сынишка
Громко имъ читалъ,
Что творится по деревнямъ,
Гдѣ народъ возсталъ...
Прочиталъ, сложилъ газету,
Лобъ перекрестилъ:
— „Что мы, братцы, уцѣлѣли,
Богъ не допустилъ!“
Молча стали расходиться—
Въ хаты мужички...
Въ этотъ день молились Богу
Долго старички...

II.

Прибѣжали въ избу дѣти,
Второпяхъ зовутъ отца:
— „Тятя, тятя, на разсвѣтѣ
„Къ намъ прислали молодца!“
— „Замолчите, бѣсенята,—
Закричалъ на нихъ отецъ,—
„Охъ, ужъ эти мнѣ ребята!
„Гдѣ, какой тамъ молодецъ?!
„Вотъ, возьму сейчасъ нагайку
„По спинѣ у васъ пройдуся!
„Разбудите-жъ мнѣ хозяйку!
„Гдѣ кафтанъ мой? Поплегуся!“
Онъ лѣниво вышелъ въ сѣни...
Нѣту... Лѣзетъ на чердакъ;
Видитъ,—спитъ на мягкомъ сѣнѣ
Съ плеткой молодецъ-казакъ!
— „Пистолетъ, ружье и пика,
„Пахнеть въ воздухѣ бѣдой!

„Вотъ, теперь изволь—корми-ка!
„Сами бьемся мы съ бѣдой!“
Онъ пошелъ къ сосѣду-свату,
Чтобъ провѣдать—что и какъ:
Настежь дверь открыта въ хату,—
Смотрить: тамъ сидитъ казакъ.
Почесалъ мужикъ затылокъ:
„Значить, всѣмъ—по одному!
„Только съ такихъ присылокъ
„Не кормиться самому!“
Съ угощеньемъ онъ вернулся,
Захватилъ съ собой табакъ...
— „Тятя, тятя, гость проснулся!“
Глядь,—на лавочкѣ казакъ.
Рядомъ съ нимъ лежитъ нагайка,
Сохраняя грозный видъ;
Передъ молодымъ хозяиномъ
Подбочинившись стоитъ.
— „Цыц! пошли вы, бѣсенята!..
„Гостю низкій мой поклонъ!
„Ждалъ давно я васъ, ребята:
„Радъ кормить я эскадронъ!
„Благодѣтели-казаки,
„Вы—спасители страны!
„Все-бы отдалъ вамъ безъ драки,
„Лишь не отдалъ-бы жены!
„Вшь и пей ты безъ смущенья!
„Коли куришь, вотъ—табакъ!“
.....
Не забудетъ угощенья
Долго молодецъ-казакъ.

В. Трофимовъ.

— А не знаешь-ли ты, кто тамъ лежитъ?—глухо спросилъ я...

— Какъ не знать? Ужъ сколько народу сегодня справлялись, вы, почитай, уже двадцатый! Должно, баринъ былъ извѣстный. Лежитъ тамъ...

Сторожъ назвалъ мое имя, отчество и фамилію.

Я невольно вскрикнулъ...

— А вы его братъ родной! Потому очень схожи!—сказалъ сторожъ...

Я почувствовалъ, что у меня выступилъ холодный потъ...

— Ты врешь, любезный?! Да? Ты можетъ быть выпилъ?!

— Никакъ нѣтъ! Ояъ самый! Вчера съ привезли мертваго, чтобы, значить, распотрошить, посмотреть, отчего онъ померъ... Сказывали, что жилъ онъ...

Сторожъ назвалъ улицу и домъ, гдѣ я живу...

Да что же это всѣ сговорились противъ меня?!

Я долженъ разузнать во что бы то не стало...

Сунувъ сторожу еще нѣсколько монетъ, я съѣлъ поспѣшно въ сани...

Сторожъ, предупредительно застегивая пальто, говорилъ:

— Покорно благодаримъ! Не забудьте-съ: панихида въ 10 часовъ.

— Въ „Новое Время!“—сказалъ я кучеру...

Я вѣжалъ въ контору... Служащіе мнѣ любезно поклонились.

— Скажите, пожалуйста,—спросилъ я одного изъ нихъ,—не знаете ли вы, кто подаль это объявление?

Тотъ смотрѣлъ на меня удивленно.

— Простите, господинъ, но вы же сами вчера его подали? Мы отлично это помнимъ? Вы еще предлагали намъ второе, лишь бы ваше объявление вышло сегодня!

— Я?!—вскрикнулъ я нечеловѣческимъ голосомъ; ноги мои подкосились и я безпомощно опустился на стулъ...

Въ конторѣ произошло легкое замѣшательство... Мнѣ предложили воды...

— Ничего, благодарю васъ! Больше ничего!

Я шатаясь вышелъ изъ конторы...

День тянулся томительно долго, я не зналъ, какъ убить время. Нервы мои были напряжены до послѣдней степени.

Ровно въ 10 ч. я подъѣхалъ къ больницѣ. Сторожъ съ любезной улыбкой, низко снимая шапку, раскрылъ калитку.

— Пожалуйста!

Почти бѣгомъ я направился къ покойницкой, гдѣ черезъ окна виденъ былъ красный свѣтъ горящихъ свѣчей... Дверь не заперта...

Въ покойницкой никого...

По срединѣ на катафалкѣ стоялъ простой гробъ... Чувствовался запахъ разлагающагося тѣла...

Сердце мое стучало въ груди,—казалось, что оно выскочитъ сейчасъ и упадетъ на холодный каменный полъ...

Дрожащими руками я откинулъ кисею съ лица покойника,—и съ дикимъ крикомъ отскочилъ въ уголь...

Въ одиночнѣмъ заключеніи.

„У себѣ на папикутѣ“. (См. Фельетонъ).

У тюремныхъ воротъ.

У тюремныхъ воротъ
Собирался народъ
Густо...
Мрачно смотритъ тюрьма
И на улицъ тьма...
Пусто!
Собирались они
Въ разрѣшенные дни
Дружно...
Чтобъ родныхъ поглядѣть
Дозволеніе имѣть
Нужно...
Безъ разбора сюда,
Тащатъ всѣхъ безъ суда!
Просто...
Мнѣ ты на слово вѣрь:
Въ день сажаютъ теперь
До ста!
И сидятъ тутъ года
Въ ожиданьи суда
Люди!
И мечтаютъ всѣ дни
О какомъ-то они
Чудѣ...
У закрытыхъ воротъ
Терпѣливо народъ
Мнется!
Онъ въ ночной тишинѣ
Къ молчаливой стѣнѣ
Жмется!
Глаза влажны отъ слезъ,
Леденить ихъ морозъ...
Жутко!
Сердцемъ молятъ безъ словъ:
— „Да откройте-жъ засовъ!
Нутка!“
В. Тр—овъ.

Пѣсня.

Матушка—родимая,
Лягъ ты отдохнуть:
Вѣдь слезами мертвого
Къ жизни не вернуть!
Вѣрно, такъ назначено
Молодцу судьбой...
Сынъ другой хранителемъ
Будетъ надъ тобой!
Успокоить въ старости
Онъ старушку—мать,
Какъ ребенка малаго
Будетъ баловать!
Вѣрь ты, злодѣяніе
Самъ онъ не проститъ
И убійцамъ молодца
Скоро отомститъ!
Что ты плачешь, милая,
Надрываешь грудь?...
Вѣдь слезами мертвого
Къ жизни не вернуть!

Романсъ.

Слышалъ я и моря рокотъ,
Стонъ земли, и вѣтра шопотъ...

Говорили волны моря,
Что повсюду много горя,
Что забыты миръ, любовь,
Что рѣкою льется кровь...
— Знаю, море, ты болтливо!
Говорливо!

Говорила мнѣ земля,
Что не вспаханы поля,
Что повсюду недородъ
Морить голодомъ народъ!
— Знаю, ты, земля, болтлива!
Говорлива!

Говорилъ мнѣ вѣтеръ нѣжно:
На Кавказѣ все мятежно,
Покорять его опять
Лѣтъ придется двадцать пять!
— Знаю, вѣтеръ, ты болтливый!
И трусливый!

—овъ.

Блесни гроза!

Блесни, гроза!— Синѣющія тучи
На высотѣ кочуютъ и дрожатъ;
Уже отцвѣлъ рубиновый закатъ,
И стихнулъ лѣсъ росистый и дремучій.

Прозрачныхъ волнъ напѣвы чуть слышны,
И шелестъ ихъ смолкаетъ постепенно...
Но я хочу, чтобъ рокотала пѣна
Межъ гулкихъ скалъ... Довольно тишины!

Гроза, бушуй: снопомъ горячихъ молній
Пронзи росой обрызганную ночь;
Взволнуй моря и пѣну ихъ всклопочь
И трепетомъ подводный міръ наполни!

Съ растущей тьмой свою продли вражду,
Пылай, греми: душа смятеню—рада.
Я звона бурь нетерпѣливо жду,
Внимать прозѣ—высокая услада!

Не бирюза спокойной вышины
Меня влечетъ, не радуга въ лазури:—
Я пѣснь сложилъ передразвѣтной бури
Цвѣтнымъ огнямъ. —Довольно тишины!

М. П.

Въ гробу дѣйствительно лежалъ я...
Мнѣ показалось, что кто-то разсмѣялся...
Я хотѣлъ бѣжать, ноги отказывались повиноваться... Хотѣлъ позвать кого-либо, горло сжали чьи-то невидимыя руки...

Тѣ же руки подвели меня къ самому гробу... Началось унылое похоронное пѣніе... Я видѣлъ, какъ неслышно въ дверь покойницкой, одна за другой, входили тѣни... Ужасныя тѣни... Лица ихъ искривлены отъ мукъ и страданій, одежда разстертая: у нѣкоторыхъ изъ ранъ текла алая кровь... Въ покойницкой становилось душно... кровавыя тѣни окружили меня тѣснымъ кольцомъ... я почувствовалъ даже ихъ прикосновеніе, увидѣлъ на себѣ капли крови... Таинственный хоръ пѣлъ унылыя молитвы... кое-гдѣ слышался шопотъ.

Панихидное пѣніе близилось къ концу... Одна за другой исчезали кровавыя тѣни... Я остался одинъ... Я почувствовалъ, что ко мнѣ возвращаются силы... Я рванулся впередъ... Уронилъ подсвѣчникъ... Кисея, покрывавшая мертвое тѣло, запылала. Я упалъ на полъ...

Оказывается, я надъ газетой задремалъ въ креслѣ... Фу! Какой глупый сонъ!

Нето.

Изъ бодрыхъ пѣсень.

Будемъ вѣрить легкокрылой
Жизнерадостной мечтѣ!—
Страшно думать надъ могилой
Въ непробудной темнотѣ.

О несбывшейся надеждѣ
Дарѣ сердца золотомъ—
Полной силъ когда-то прежде
И разрушенной потомъ...

Это было, это было!—
Не вернутся годы тѣ...
Будемъ вѣрить легкокрылой
Жизнерадостной мечтѣ:

Міръ отчаянье забудетъ,
Обагрятъ его цвѣты...
Это будетъ, это будетъ
По завѣту красоты!

Волны дружныя, звените,
Какъ весной—колокола;
Солнце алое—въ зенитѣ,
Ночь безлунная—прошла!

М. П.

* * *

Мы вамъ непонятны, мы рыцари гнета,
Мы дѣти бушующей черной волны,
Мы вѣрные слуги наживы, разсчета,
Мы соль камарилы, оплотъ старины.
Мы чувства не знаемъ... Оно не дано намъ...
Оно не ютится въ застывшихъ сердцахъ...
Предъ мощной нагайкой, жандармскимъ
закономъ

Въ себѣ мы взростили покорность и страхъ.
Безвредны намъ отзвуки пѣсенъ свободныхъ,
Красоты страданья и смѣлость рѣчей...
Подъ мудрой опекой шпионовъ и взводныхъ
Лишаться намъ страшно привычныхъ цѣпей...
Идемъ мы съ побѣдно распушеннымъ
флагомъ

Съ иконой, съ сѣкирой, съ дубиной, съ
крестомъ,
Идемъ мы злобѣщимъ, ритмическимъ шагомъ
Судить васъ своимъ безпощаднымъ судомъ.

Вилли.

* * *

Сталь я нынче, братцы,
Плакать и тужить:
Нежто мнѣ возможно
На деревнѣ жить?!

Чтобы я ни сдѣлалъ,
Смотришь,—все не такъ,
И за все въ награду—
По спинѣ кулакъ!

Наряжусь-ли въ праздникъ
На обѣдню я:
Красную рубаху
Снимутъ у меня!

Запою-ли пѣсню,
Что свободно жить,
И спинѣ отъ розогъ
Мѣсяцъ не зажить!

Коль найдутъ газету,
Истинно бѣда:
Проведешь въ острогѣ
Многіе года!

Прежде было лучше
Жить мнѣ— Дураку:
Получалъ я только
Въ день по тумаку!

А теперь же, братцы,
Смотришь,—все не такъ!
Ахъ, зачѣмъ на свѣтѣ
Я живу, Дуракъ?!

Изъ безумныхъ проектовъ.

— Только что прочиталъ въ газетѣ такъ извѣстіе, что „Домъ трудолюбія и почтенный“ въ Полтавскомъ участкѣ близъ Пороховыхъ, по слухамъ, предполагается приспособить подъ женскую тюрьму...

Привѣтствую отъ души проектъ...
Думаю войти самъ, куда слѣдуетъ, съ предложеніемъ приспособить хлѣбные амбары у Александровской лавры подъ политическую тюрьму для дѣтей обоего пола въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ.

— Въ Петербургѣ 3-го Февраля чествовали память М. И. Глинки открытіемъ ему памятника... Въ Смоленскѣ въ тотъ-же день земцы чествовали обѣдомъ—гласнаго Глинку потомка композитора, выпущеннаго изъ тюрьмы куда онъ попалъ „по недоразумѣнію“.

Думаю, войти куда слѣдуетъ, съ предложеніемъ принять за правило на будущее время въ такихъ торжественныхъ случаяхъ выпускать изъ тюрьмы по одному родетвеннику чествуемыхъ лицъ...

— Военные корреспонденты, бывшіе на театрѣ русско-японской войны, вошли съ ходатайствомъ въ военное министерство о выдачѣ имъ медалей въ память этой войны.

Думаю войти съ предложеніемъ вырѣзать на этихъ медаляхъ съ одной стороны: Портъ-Артуръ, Ляоянь, Мукденъ, Цусима и т. д., а съ другой стороны: Алексѣевъ, Стессель, Небогатовъ, и т. д.

— Читая приказъ г. Градоначальника чинамъ полиціи зорко слѣдить, чтобы на улицахъ не попадались перегруженные клады подводы. Приказъ, очевидно, подѣйствовалъ: сегодня уже встрѣтили двѣ подводы, нагруженные менѣе 600 пудовъ. Общество покровительства животныхъ, проявляющее за последнее время усиленную дѣятельность, намѣрено, по слухамъ, опротестовать приказъ Градоначальника.

Думаю войти съ проектомъ объ устройствѣ гимнастическаго зала для развитія лошадиныхъ силъ.

Попришмнѣ 5-ый.

Иностранное обозрѣніе.

На японскихъ островахъ
Началось волненіе:
Снова съ нами воевать
Тамъ сильнѣй стремленіе!
Мы-жъ на это говоримъ
Весело, безпечно:
Если насъ не побѣдятъ,
Побѣдимъ, конечно!
Вѣрно, грозное одно
Тамъ умовъ броженіе:
Что-жъ готовится къ войнѣ,
Если нѣтъ сраженія!

А къ тому-жъ теперь опять
Новости читаемъ:
Надо скоро ожидать
И войны съ Китаемъ!
Къ иностранцамъ тамъ сильнѣй
Злоба, неприязни.
Угрожаетъ имъ Китай
Звѣрствомъ лютой казни!
И тревожнѣй съ каждымъ днемъ
Изъ Пекина вѣсти:
Рано намъ еще тужить,
Если всѣ на мѣстѣ!

Монологи.

Тюремного надзирателя.

Сорокъ тысячъ! Какъ тутъ быть?!

Вотъ преступная столица?!

Мѣста больше не добыть,—

Въ корридорѣ—жъ вереница!

Безъ разбора, безъ суда

Гонять всѣхъ въ тюрьму, Создатели!

Сяду съ горя самъ сюда

Я—тюремный надзиратель!

Пристава Ермолова.

Какъ я думалъ, такъ случилось:
Мнѣ убійство прощено!
Министерство отличилось:
Дѣло ужъ прекращено!
Я дышать могу свободно,
Правосудію я радъ:
Бить могу кого угодно—
Въ ожиданіи награды!

Совѣтъ.

Въ минуту жизни трудную,
Коль не чѣмъ будетъ жить,
Могу я мѣру чудную,
Товарищъ, предложить:
Преси въ моментъ критическій
Себя арестовать:
Журналъ, молъ, сатирический
Ты хочешь издавать!

Заботы бремя скатится,
Въ тюрьмѣ хоть грустенъ быть,—
Пускай казна потратится,
Чтобъ былъ бѣдняга сытъ!

Но коль въ Сибирь холодную
Пошлютъ тебя пожить,
Влача ты жизньъ голодную,
Старайся не тужить.

Редакторъ В. Трофимовъ.

На Кавказъ все спокойно.

Отъ Редакціи.

Статьи для помѣщенія въ журналъ „Зарево“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара; при неисполненіи послѣдняго условія онѣ считаются бесплатными. Статьи, неудобныя къ печати, уничтожаются. Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ по субботамъ и средамъ отъ 4—6 час. Выдача гонорара по четвергамъ 4—6 час.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1906 г.

на еженедѣльный

ЛИТЕРАТУРНО-

САТИРИЧЕСКІЙ

журналъ

ЗАРЕВО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ СПб. безъ доставки—въ годъ 3 рубля, съ доставкой и пересылкой во все города Рос. Имперіи—5 р.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 5—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ журнала Спб., Невскій, 112.

Еженедѣльный литературно-сатирическій журналъ.

Шлиссельбургская крѣпость.

Затишье.

Мнѣ скучно, безбрежное море, съ тобою! —
Покорно предавшись нѣмому покою,
Ты мертвой равниной раскинулось вдругъ,
Окутано дымкой тумана вокругъ.

Мнѣ скучно съ тобою, могучее море,
Когда на твоёмъ необъятномъ просторѣ
Не слышу мятежнаго ропота водъ,
Не вижу валовъ, устремленныхъ впередъ.

Мнѣ грустно и больно, родная стихія,
Когда ты ласкаешь утесы глухіе
И льнешь къ горделивому камню порой
Медлительно-мягкой и робкой струей.

Довольно покоиться сномъ терпѣливымъ,
Мечтать подъ покровомъ тумана стыдливымъ —
Встань, море, на бой съ неустаннымъ врагомъ —
Съ громадой утесовъ, нависшихъ кругомъ!

Я жду, чтобы снова увидѣть, какъ волны,
Не вѣдая страха, отвагою полны,
На приступъ сплоченной толпою спѣшать,
И камни подъ дружнымъ напоромъ дрожать...

И. Любинъ.

Тукъ! Тукъ!

Вѣтеръ воетъ... Снѣгъ идетъ...
Нишій по снѣгу бредетъ...
Ночь... Морозно... Дальній путь...
Хочетъ бѣдный отдохнуть...
Вотъ нарядная изба:
Украшеніемъ рѣзба...

Тукъ! Тукъ!

Слышенъ голосъ — „Проходи!
Сытыхъ ночью не буди!“
Вѣтеръ воетъ... Снѣгъ идетъ...
Нишій далѣе бредетъ...
На далекомъ берегу
Хата кроется въ снѣгу...

Тукъ! Тукъ!

Слышенъ голосъ: — „Погоди!
Отворю сейчасъ! Входи!“
Вѣтеръ воетъ... Снѣгъ идетъ...
Нишій здѣсь покой найдетъ,
И подѣлится кускомъ
Тутъ хозяинъ съ бѣднякомъ.

В. В.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Голодная поэзія.

Много было насъ, безработныхъ, въ городѣ.

„Кризисъ, сокращеніе производства“ — говорили сытые фабриканты или ихъ энергичные управляющіе и выбрасывали на улицу десятки, сотни людей, чей трудъ оказался лишнимъ и невыгоднымъ.

Долго, долго отдыхали мы въ разлукѣ съ заводскими машинами и станками, но силы у насъ отъ этого отдыха не прибавлялось.

Нужда росла и сгущалась съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ.

Все то изъ нашего убогаго имуществва, что могло быть сбыто на толкучемъ рынкѣ, было продано и съѣдено.

На насъ оказались одни лохмотья, да лохмотья самыя жалкія.

Желудокъ тощаль, лицо блѣднѣло, глаза какъ будто обволакивалъ ѣдкій, жгучій дымъ.

Я, какъ и сотни другихъ безработныхъ, очутился подъ открытымъ небомъ: если хлѣбъ покупать не на что, то платить за уголь подавно нечѣмъ.

А осень, дождливая мрачная осень, медленно, какъ бы нехоти, вступала въ свои суровыя права.

Ночевали мы — кто на берегу рѣки подъ запятымъ кровомъ моста, кто подъ заборомъ, а кому удавалось случайнымъ образомъ найти мѣстечко

для ночлега гдѣ-нибудь въ воюющемъ, но защищавшемъ отъ дождя и вѣтра сараѣ, тотъ потомъ долго рассказывалъ о счастливомъ случаѣ своимъ товарищамъ.

А съ утра до заката солнца мы бродили, не зная — зачѣмъ, не зная — куда, по далекимъ загороднымъ улицамъ, бѣднымъ и грязнымъ, какъ наша жизнь, печальнымъ, какъ доля голоднаго пролетарія.

На большихъ улицахъ, гдѣ не уставая кипитъ всегда сытая, нарядная жизнь, больно намъ было показаться, больно и досадно.

„Кризисъ“ — слово иностранное, замысловатое, но мы, темные люди, отлично понимали все его значеніе: тутъ словаремъ намъ служили отвергшіе нашъ потный трудъ фабриканты.

Въ дождливое вѣтреное утро я шелъ по глухому рѣдко-застроенному переулку, летѣя въ душѣ робкую надежду найти гдѣ-нибудь на часъ пріютъ и кусокъ хлѣба.

У забора просторнаго пустыннаго огорода, вперивъ глаза въ туманную даль и о чемъ-то глубоко задумавшись, стоялъ высокій худой мужчина въ дырявомъ пальто безъ воротника и пуговицъ.

„Товарищъ по несчастью“ — шепнулъ я себѣ вслухъ и направился къ нему.

Онъ не обратилъ на меня никакого вниманія, продолжая думать свою думу, но я почему-то спросилъ:

— Голодно, братъ?

— Голодно...

Провинціальная лѣтопись.

(Село Покровское, Херсонскаго уѣзда).

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *

Старожилы помнятъ годъ,
Хоть прошли годовъ десятки,
Какъ разумнѣй сталъ народъ
И разумнѣе порядки,—
Какъ въ деревню изъ столицъ
Черезъ рѣки, черезъ доли
Шель отрядъ быстрѣ птицъ,
Чтобъ разсѣять духъ крамолы...
Насъ онъ строго наказалъ!
Я охотно-бъ разсказалъ...

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *

Утромъ только разсвѣло,
Къ намъ наѣхали казаки,
Всполошилось все село:
Бабы, куры и собаки...
Офицеры, становой,
Нашъ урядникъ, мѣстный приставъ
Судъ творили полевой
Надъ толпою „анархистовъ“!
Обвиняли въ чемъ же насъ?!
Объясню я все сейчасъ...

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!

Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *

Собирались мы на сходъ,
Говорили тамъ безъ шуму,
Что поддержитъ весь народъ
Государственную Думу...
Высочайшій Манифестъ
Намъ свободы ужъ намѣтилъ!
И никто изъ насъ въ протестъ
Даже слова не отвѣтилъ...
Правда, съ нѣкоторыхъ поръ
Былъ съ урядникомъ раздоръ...

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *

Вотъ, согнали мужичковъ
Со всего села родного
Молодежь и старичковъ—
Всѣхъ къ крыльцу у «Волостного».
Приставъ грозно началъ рѣчь,
Угрожая револьверомъ;
Всѣхъ по очереди сѣчь
Порѣшилъ онъ съ офицеромъ!
Все могу я разсказать,
Даже раны показать...

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *

Всѣхъ построили гуськомъ
Насъ казаки вдоль ограды,—
Били плеткой, кулакомъ...
Били дико, безъ пощады...
Лужи крови, стоны, плачь,
Истязаньемъ увлеченье...
Палача смѣнялъ палачъ,
Уставая отъ сѣченья...
Я не знаю въ чемъ вина,
Но болитъ моя спина...

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

* * *

Къ намъ приѣхалъ прокуроръ
Разобрать правдиво дѣло...
Бросивъ только бѣглый взоръ,
Мужичкамъ сказалъ онъ смѣло:
„Былъ свершенъ неправый судъ!
„И урядникъ вашъ и приставъ
„Принимали ложно тутъ
„Мужичковъ за анархистовъ!“
Кто-жъ вернетъ, скажите, вновь
Мужичкамъ здоровье, кровь?!

— «Дѣдъ, зажди ты ротъ Емелѣ!
Что онъ—какъ въ бреду?!
Попадешь на самомъ дѣлѣ
Съ нимъ опять въ бѣду!»

В. Трофимовъ.

— Холодно, братъ?

— Холодно...

Онъ отвѣчалъ такъ хмуро и неохотно, что мнѣ стало стыдно своего вопроса—какъ будто и самъ я не зналъ, что и голодно и холодно.

Я прислонился къ забору рядомъ съ нимъ.

Долго мы оба молчали, глядя задумчиво въ даль.

Задремавшій, было, осенній вѣтеръ вдругъ очнулся и, словно мокрой и жесткой метелкой, хлестнулъ меня по лицу.

Лохмотья мои не могли оказать никакого сопротивленія глубокому дыханію воздуха, и я весь задрожалъ отъ нахлынувшихъ на меня острыхъ струй холода.

— Провались ты, проклятая осень! — прозорчалъ я, плотнѣе прижавшись къ забору, какъ будто это могло меня сколько нибудь согрѣть.

— Не смѣй! — строго обратился ко мнѣ товарищъ.

— Что не смѣй?

— Не смѣй ругать...

Я удивленно посмотрѣлъ на него.

— Кого?

— Осень-то...

Мнѣ хотѣлось громко засмѣяться на слова этого взрослого несчастнаго дитяти, но не нашелъ въ себѣ той струны, которая издаетъ звуки смѣха: порвалась она, видно, давно, да затерялась среди жесткихъ невзгодъ.

— Сумасшедшій! — невольно сорвалось у меня съ устъ.

— Молчи, если не понимаешь, если не чувствуешь! — съ презрѣніемъ въ глазахъ повернулся ко мнѣ соседъ. — Известно, осень ругать не слѣдуетъ, грѣшно ее обижать. Она—товарка наша, или не видишь? Мы голые, она голая; мы плачемъ, она плачетъ; мы сердитые, она сердитая. И какъ будто такъ же голодна, какъ мы, и бездомна и несчастна, какъ мы. Одно слово—сестра намъ. Чего-жъ обижать ее, осень-то?! Вотъ, весна, дѣйствительно, ни дна ей, ни покрывки. Барыня какая! И здорова, и весела, и наряды у нея!.. Все цвѣты и лучи! Да смѣется все, окаймляя, прямо—общимъ становится. Ну, а осень—наша, по всему намъ—сестра.

Вѣтеръ опять задыхалъ своимъ острымъ, какъ скребница, и порывистымъ дыханьемъ; мнѣ показалося, что меня туго скрутили веревками по всему тѣлу.

— Проклятая осень! — со злобой закричалъ я, и пустился бѣжать вверхъ по улицѣ, какъ бы желая скрыться отъ вѣтра и холода.

— Дур-ракъ! — громко понесся мнѣ въ догонку его дрожащій презрительный голосъ.

И. П.

Хватит ли силшки...

Коловратно-куръезная сцена

между Господиномъ и Гражданиномъ.

(Диалоги).

I

— Подайте кресло!

— Господинъ,

Зачѣмъ вамъ кресло? Чтобы сѣсть?

— Вы глупы, милый Гражданинъ!

Вы глупы—да!

— Большая честь!

Извольте кресло! Вамъ куда?

— Къ камину ближе—вотъ сюда!

Могу отдаться сладкой думѣ...

— Хотите думать вы о Думѣ?

Я попросилъ бы думать вслухъ,

Чтобъ слышать все... Усердно мухъ

Отъ васъ я буду отгонять...

И то, чего мнѣ не понять,

Вы объясните, Господинъ!

Васъ очень проситъ Гражданинъ!...

Я слышалъ разговоръ простой,

Что Дума это звукъ пустой,

И что Таврическій дворецъ

Тюремной обнесутъ оградой...

— Постой! Умолкни, наконецъ!

Ошеломилъ меня тирадой!

Несутъ въ лакейской сущій вздоръ..

Конечно, съ нѣкоторыхъ поръ

Теперь въ Россіи въ общемъ шумѣ

Довѣрѣя стало меньше къ Думѣ,

А все-жъ свобода въ ней избранныя...

— Все-такъ! Но думскія собранья

Съ войсками разгоняетъ приставъ,

Какъ будто митингъ анархистовъ...

Такъ какъ же въ Думу избирать?!

— Ну, это трудно разобрать!

— Когда же соберется Дума?

— Когда нигдѣ не будетъ шума!

— Когда-же шумъ вездѣ уймется?

— Лишь только Дума соберется!

Все понялъ ты, мой Гражданинъ?

— О, да, любезный Господинъ!

II

— Люблю мечтать я на свободѣ...

— Мечтать хотите о свободѣ?

Вотъ кстати: правда ли она

Народу нашему дана?

— Конечно, правда: нашъ народъ

Пять разомъ получилъ свободѣ...

— Но почему-жъ вездѣ жандармы?!

Подъ тюрьмы строятся казармы,

Дома, ночлежки, богадѣльни,

Больницы, школы и молебни?!

Гораздо меньше на свободѣ,

Чѣмъ арестованныхъ, въ народѣ:

Кого ни спросишь—онъ въ тюрьмѣ!!

Брожу теперь я, какъ во тьмѣ...

— О, тутъ тактический пріемъ,—

Его съ тобой мы не поймемъ:

Вѣдь трудно слабому уму

Все угадать... Да и къ чему?!

— Читалъ, бывало, я въ газетѣ

О всѣхъ дѣлахъ на бѣломъ свѣтѣ,—

Теперь свободная печать...

— Объ этомъ надо помолчать!

Нельзя болтать о всемъ свободно,

Открыто, громко, всенародно:

Тихонько можно, но не вслухъ!

Гоняй-ка лучше, милый, мухъ!

Ты заболтался, Гражданинъ!

— Прошу прощенья, Господинъ!

Скажите-жъ мнѣ, когда народъ

Увидитъ эти пять свободъ?

Вотъ не пойму я, что угодно!!

— Когда онъ заживетъ свободно!

— Когда-жъ свободно жить народу?

— Когда увидитъ онъ свободу!

Все понялъ ты, мой Гражданинъ?

— О, да, любезный Господинъ!

Нето.

Бабушка.

Онъ жилъ со своей старухой—бабушкой...
Онъ былъ ея единственный любимый внукъ...

Въ его комнатѣ было чисто и опрятно;
чистота,—наведенная заботливой старческой рукой...

Онъ уходилъ рано утромъ и возвращался поздно вечеромъ...

Та-же заботливая рука приготавливала ему на столѣ ужинъ и чай...

Они жили неразлучно почти десять лѣтъ...

И какъ измѣнился онъ за послѣднее время: серьезный, задумчивый, почти ни слова не говоритъ, а если и скажетъ, то такъ отрывисто, односложно...

Старуха видѣла въ немъ перемѣну и сердцемъ болѣла за своего любимца...

Нерѣдко гадала она,—все черныя, мрачныя карты...

А сколько часовъ простаивала она на колѣняхъ передъ образомъ,—одному только Богу извѣстно...

Она предчувствовала что-то недоброе, предугадывала бѣду, грозящую ея внуку...

Но что могла сдѣлать она, дряхлая старуха?!

Предчувствіе ея оправдалось...

..... Вечеромъ, какъ и всегда, его не было дома...

У дверей раздался рѣзкій звонокъ.

Въ маленькую прихожую вошли они...

Старуха одервенѣла со страха...

Сколько ихъ?! По крайней мѣрѣ, чело-

вѣкъ 15.

И они привычной рукой стали разрушать порядокъ, надъ которымъ каждое утро по нѣсколько часовъ трудилась старуха—бабушка, смахивая пылинку, перетирая тщательно каждую мелочь...

Она не могла произнести ни слова...

Воспаленные глаза ея слѣдили за ихъ движеніями...

Они перерыли всѣ ящики столовъ, подпороли подушки, надрѣзали матрацъ... Отрывали обои... Искали на печкѣ...

Заглянули въ кіотъ образа...

Что-то откладывали въ сторону...

Что-то читали "вслухъ"... Его интимныя письма... Смѣялись, острили...

Въ передней чьи-то шаги...

Старуха инстинктивно рванулась; ее остановили привычнымъ движеніемъ...

Она опять задервенѣла...

Незнакомый протестующій голосъ; кого-то увели...

Они связали какія-то бумаги и удалились...

Въ засадѣ изъ нихъ остались двое...

Они молчали; они ждали его...

На утро пришелъ третій, и всѣ ушли...

Старуха вздохнула свободно...

Снова любовно принялась она наводить порядокъ въ его комнатѣ...

Много, много ей было дѣла...

Она торопилась все закончить къ его приходу,—чтобы его уютная комнатка приняла снова свой прежній видъ...

Старушка устала; дрожащія руки отказывались повиноваться...

Вечеромъ она приготовила ему постель и, по обыкновенію, поставила ужинъ и чай...

Но и въ эту ночь онъ не вернулся домой...

До сихъ поръ, каждый вечеръ, ждетъ домой старая бабушка своего внука...

Его все нѣтъ...

Онъ не шлетъ даже письма...

— „Бросилъ, забылъ, свою старую бабушку!“—шепчутъ ея изсохшія губы.

В. Тр—въ.

Раздумье.

Однообразною дорогой
Свѣтило дня утомлено,
И на покой ушло съ тревогой
Въ пріютъ таинственный оно.

Зари блѣднѣющимъ пожаромъ
Объятъ далекій небосклонъ,
Ударъ несется за ударомъ—
Вдали гудитъ вечерній звонъ.

И звону кроткому внимая,
Въ сонъ погрузились поля,
Умолкла роща молодая,
Едва вѣтвями шевеля.

Забывъ о безконечномъ спорѣ,
О спорѣ съ небомъ иль землей,
Дремотѣ предалось море,
Слегка окутанное мглой.

Вдоль по извилистой дорогѣ
Унылый строй березъ, ракитъ,
Какъ странникъ на чужомъ порогѣ,
Въ нѣмомъ раздуміи стоитъ.

Не долго ждать—и ночь въ объятъ
Мірѣ утомленный заключить,
Тревоги, стоны и проклятыя—
Все, притаившись, замолчить.

Уснетъ земля, уснутъ и люди,
Но успокоятся ли сномъ
Ихъ изстрадавшіяся груди,
Ихъ мысль, кипящая огнемъ?..

И. Любимъ.

Партійныя различія.

Коль нашли у васъ въ жилищѣ
Крупный апельсинъ,
Негодящійся для пищи,
Нитроглицеринъ,
Бомбу съ гибельной начинкой,
Формуль длинный листъ,
Или адскую машинку,—
Ясно: анархистъ.

„Сынъ Отечества“ газету
Коль нашли у васъ,
Иль земельную анкету,
Небольшой запасъ
Прокламаций для матросовъ,
„Жупель“, револьверъ,—
Тутъ не можетъ быть вопросовъ,
Ясно: вы с.-р.

Если найдено «Начало»,
Бибеля портретъ,
Фоллианты „Капитала“,
Длинный венигретъ
Всевозможныхъ комментарий,
«Мысли о трудѣ»,
«Буржуа и пролетарій»,—
Ясно: вы с.-д.

Роскошь... фарфоръ и портьеры...
Много серебра...
Снимки Ниццы и Ривьеры...
Бронзовые бра...
Русскихъ классиковъ творенья...
Теплый кабинетъ...
Тутъ не можетъ быть сомнѣнья,—
Ясно: вы кадетъ.

В. Михайловичъ.

Пѣсня финансовога генія.

Голова какимъ-то кругомъ
Завертѣлася моя,
Я считалъ француза другомъ,
Обманулъ французъ меня...
Въ нѣмца искренно я вѣрилъ,
Дескать, можетъ онъ помочь:
Нѣмецъ гроша не повѣрилъ,
Но совѣтовать не прочь:
— „Я бы далъ вамъ безъ процента,
Лишь одно теперь вредить,
Что упала ваша рента,
Да использованъ кредитъ!
Не избѣгнетъ злого рока
Наша мирная страна:
Вонъ, грозитъ изъ-за Марокко
Намъ самимъ теперь война!“
Обходились всюду круто,
Быль вездѣ одинъ отвѣтъ:
— „Что пока не стихнетъ смута,
Для Россіи денегъ нѣтъ!“
Я отчизну сожалею,
Но не скрыть раскрытыхъ картъ...
Надо сдѣлать лоттерей
И использовать азартъ,—
Нами будетъ онъ оплаченъ,—
Деньги дома мы найдемъ:
Если внѣшній неудаченъ,
Будетъ внутренній заемъ!

Вновь назначенъ Гродековъ...

Ну, манчжуры и китайцы,
Въ храмахъ предковъ и боговъ
Помолитесь поскорѣ—
Вновь назначенъ Гродековъ.

Ну, Амуръ, дремать довольно!
Сбрось ты бремя зимнихъ ковъ
И открой свои объятъя—
Вновь назначенъ Гродековъ.

Царство рыбное Амура,
Будетъ праздникъ-то каковъ!
Пищи хватить на столѣтье—
Вновь назначенъ Гродековъ.

Нивель.

Монологъ.

Еще журналъ! Сейчасъ посмотримъ:
Пожалуй, что нибудь усмотримъ!
Въ рисункахъ нѣту криминала,—
Хотя усматривалъ, бывало,
Я неожиданно, смѣшномъ
Сложивъ рисунокъ пѣтушкомъ...
Вотъ такъ—корабликъ... Такъ—корзинка...
Все нѣтъ... Обидная картинка!
Тутъ что-то есть! Сомнѣнье гложетъ!
Теперь редакторъ не надуетъ:
За нимъ надзоръ въ три сотни глазъ:
Коль прокуроръ объявитъ насъ,
Тотчасъ „охранное“ выступитъ...

Изъ деревенскихъ рассказовъ.

Разскажу я—не солгу,
Только нашимъ ни гу-гу!
На деревнѣ, говорятъ,
Быль карательный отрядъ—
Счетомъ только три часа...
(Я успѣлъ удрать въ лѣса):—
Я пришелъ спустя недѣлю:
Встрѣтилъ шурина Емелю,—
Все еще не можетъ сѣсть,
Да и сядетъ ли, Богъ вѣсть!
Показалъ Ерема спину,—
Тутъ слѣды ужъ по ардину:
Началъ, было, ихъ считать,—
Трудно въ сутки сосчитать...
На палатахъ свать Егоръ
Очумѣлый мелетъ вздоръ...
У разбитаго Варула
Колесомъ всю спину вздуло...
Какъ по шкурѣ барабана
Сѣкли глупаго Ивана...
Стонетъ—охаеъ Евсей;
Плачетъ громко Елисѣй;
Филимонъ, Степанъ, Фока
Лечатъ травами бока...
Всѣмъ досталось мужичкамъ—
Молодымъ и старичкамъ.
Уцѣлѣлъ въ хлѣву Илья,
Да въ лѣсахъ укрылся я...
Право, братецъ, я не шу,—
Только нашимъ ни гу-гу:
Коль узнаютъ—заорутъ,
Всей деревней отдерутъ.
Сѣкли всѣхъ до одюго,—
Значить, надо изъ его!!

Т.

Изъ безумныхъ проэктвъ.

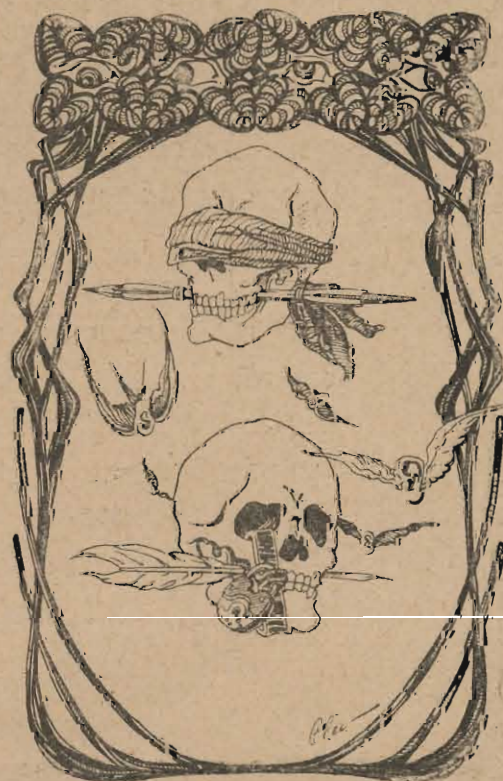
— Только что прочиталъ, что новая офиціозная газета „Русское Государство“, издающаяся на народные деньги, приносящая въ день убытку почти двѣ тысячи рублей, ассигновала 9 тысячъ въ годъ на чай и на бутерброды сотрудникамъ. Думаю войти съ проэктомъ къ г.г. бутерброднымъ сотрудникамъ „Русскаго Государства“ отказаться отъ бутербродовъ въ пользу бѣдныхъ голодныхъ людей, которые имѣютъ болѣе правъ на означенную ассигновку... Я слышалъ, чтобъ накормить простаго голоднаго человѣка, достаточно ассигновать въ день только 4 коп... Итакъ, на 9 тысячъ можно въ годъ накормить 225000 человѣкъ; въ мѣсяцъ—18750 и въ день 625 человѣкъ...

— Въ редакціи „Новой жизни“ конфискованы не только списки сотрудниковъ, но и списки всѣхъ подписчиковъ и читателей, какъ подлежащихъ аресту.

Привѣтствую означенную мѣру, какъ весьма оригинальную, и вхожу съ проэктомъ поставить великому ея изобрѣтателю памятникъ, открывъ подписку между подписчиками и сотрудниками „Новой жизни“. Ходятъ слухи, что между подписчиками и читателями означенной газеты есть лица, которымъ придется арестовать самихъ себя. Привѣтствую ихъ, признавая въ этомъ актъ высшаго самопожертвованія на благо человечества и спасеніе родины...

Цифрицистъ 5-ой.

Редакторъ В. Трофимовъ.

Отъ Редакціи.

Статьи для помѣщенія въ журналъ „Зарево“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара; при неисполненіи послѣдняго условія онѣ считаются бесплатными. Статьи, неудобныя къ печати, уничтожаются. Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ по субботамъ и средамъ отъ 4—6 час. Выдача гонорара по четвергамъ 4—6 час.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1906 г.

на еженедѣльный

ЛИТЕРАТУРНО-
САТИРИЧЕСКІЙ
журналъ

ЗАРЕВО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

въ 0100, безъ доставки—въ годъ 3 рубля, съ доставкой и пересылкой во все города Росс. Имперіи—5 р.

Журналъ выходитъ еженедѣльно въ 8 страницъ большого альбомнаго формата, печатается на плотной бумагѣ. Въ каждомъ № помѣщается 5—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Подписка принимается въ конторѣ
журнала Спб., Невскій, 112.

О чемъ говорятъ.

(Изъ области слуховъ и фантазій).

I.

Въ Петербургѣ разговоръ,
Говорятъ серьезно такъ,
Что Кирилловъ брендъ-маіоръ
Предлагаетъ красный флагъ,
Чтобъ его обезопасить,
Въ цвѣтъ зеленый перекрасить...
Красный цвѣтъ,—теперь опасный,
А зеленый—цвѣтъ прекрасный...

* * *

II.

Говорятъ, что есть приказъ
Не носить теперь кумачъ...
Не осушать бабы глазъ,
На деревнѣ вой и плачь:
Ярко-красный цвѣтъ любимый,
Всей деревнею носимый...
Такъ какой-же цвѣтъ хваленый?!
Разумѣтся, зеленый...

* * *

III.

Довелось мнѣ услышать
Разговоры многихъ лицъ,
Что въ продажѣ не достать
Красной краски для яицъ...
Измѣнить должны привычкѣ:
Къ Пасхѣ станемъ мы яички
Красить только въ цвѣтъ хваленый,
Разумѣтся, зеленый...

* * *

IV.

Говорятъ,—быть можетъ, врутъ,
(Сплетнямъ былъ всегда я врагъ),
Будто скоро уберутъ
И у конки красный флагъ:
Вѣдь теперь на перекресткѣ
Бродятъ съ флагами подростки...
Тутъ возможенъ цвѣтъ хваленый,
Разумѣтся, зеленый...

* * *

Испанская легенда.

Жить въ Испаніи министромъ популярный донъ-Діего, по прозванью Усмиритель...

Онъ народомъ, какъ диктаторъ, долго правилъ полновластно и казнилъ, не отдѣляя невиновныхъ отъ виновныхъ...

Разстрѣлявъ десятки тысячъ, перевѣшавъ полъ мильона, донъ-Діего Усмиритель написалъ собственноручно фельетонъ оригинальный „За отмѣну смертной казни“, — прикрываясь псевдонимомъ, всѣмъ доселѣ неизвѣстнымъ, отослалъ его по почтѣ въ популярную газету.

Время шло... Почти полгода ужъ успѣло кануть въ Лету...

Какъ-то видитъ донъ-Діего въ популярнѣйшей газетѣ фельетономъ появилось „За отмѣну смертной казни“. Прочиталъ статью Діего:

— Какъ?! писать имѣють дерзость за отмѣну смертной казни, коль Діего Усмиритель состоитъ еще министромъ?!

И начальника шпіоновъ призываетъ донъ-Діего, отдаетъ приказъ суровый:

— Привести ко мнѣ безумца, прежде чѣмъ его повѣсятъ! Часъ даю на исполненіе: коль найти его удастся, награжу я васъ достойно, — не найдете, такъ отвѣтитъ вамъ придется головою!!

Заметались шпіоны, испугался самъ начальникъ... Взявъ съ собою пулеметы, онъ въ редакцію нагрязнулъ популярнѣйшей газеты, помѣстившей

фельетономъ „За отмѣну смертной казни“, — и, не встрѣтивъ возраженія, овладѣлъ оригиналомъ; пожелавъ узнать безумца, что прикрывалъ псевдонимомъ, заглянулъ въ тетрадь онъ: почеркъ всѣмъ достаточно извѣстный!!

Поблѣднѣлъ и зашатался самъ главнѣйшій изъ шпіоновъ.

Черезъ часъ передъ Діего собрался весь штатъ шпіоновъ... Впереди стоялъ начальникъ...

— Гдѣ-жъ безумецъ, написавшій „За отмѣну смертной казни?“ — закричалъ на нихъ Діего, по прозванью Усмиритель. — „Не исполнить повелѣнія и ослушаться приказа!! Такъ за это головою вы отвѣтите немедленно!“

Испугались шпіоны... Лишь одинъ изъ нихъ храбрѣйшій молвилъ тихо и покорно:

— Усмиритель донъ-Діего, мы старательно искали и узнали достовѣрно, что „Отмѣну смертной казни“ написалъ ты самъ въ газетѣ! Вотъ листы оригинала!

Тутъ припомнилъ донъ-Діего, что дѣйствительно когда то онъ писалъ статью въ газету...

Гнѣвомъ очи засверкали:

— Ваша правда! Признаюсь, я позабылъ о фельетонѣ!! Но за то, что вы раскрыли псевдонимъ мой неизвѣстный, васъ немедленно повѣсятъ, чтобъ никто не зналъ въ народѣ: что одно Діего писать, ну а дѣлаетъ другое!!

Nemo.

V.

Говорятъ, конечно, вздоръ:
Будто красное вино
Въ погребахъ съ недавнихъ поръ
Продавать запрещено...
Добавляютъ слухи даже,
Что допустить вновь къ продажѣ,
Коль приметъ цвѣтъ хваленый,
Разумѣтся, зеленый...

* * *

VI.

Говорятъ, что есть проактъ
Запретить лицомъ красящѣмъ,
И застѣнчивый субъектъ
Долженъ будетъ... зеленѣть;
Чтобъ адовый щежъ румянецъ
И носы у горькихъ пьяницъ
Принимали цвѣтъ хваленый,
Разумѣтся, зеленый...

Nemo.

Въ крѣпости.

Заглянувъ въ оконце,—я увидѣлъ море...
Море безпредѣльно, какъ людское горе...
Море бушевало... Волны набѣгали,
Къ крѣпостному валу грудью прилегали...

* * *

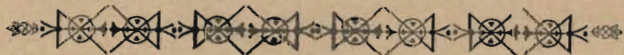
Небо голубое, какъ весна, прекрасно...
Небо улыбалось нѣжно сладострастно...
Въ камеру любовно заглянуло солнце
Яркими лучами чрезъ мое оконце...

* * *

Вѣтерокъ игривый весело врывался,
Узника утѣшить въ горе порывался,
Страстно согрѣвалъ онъ жаромъ нѣжной
ласки
Въ пламенномъ экстазѣ напѣвая сказки,

* * *

О людскихъ страданьяхъ въ тягостной неволѣ,
О свободной жизни, о свободной волѣ...
Мнѣ яснѣй казались горе и несчастье,
Безнадежнѣй грезы новой зры счастья...

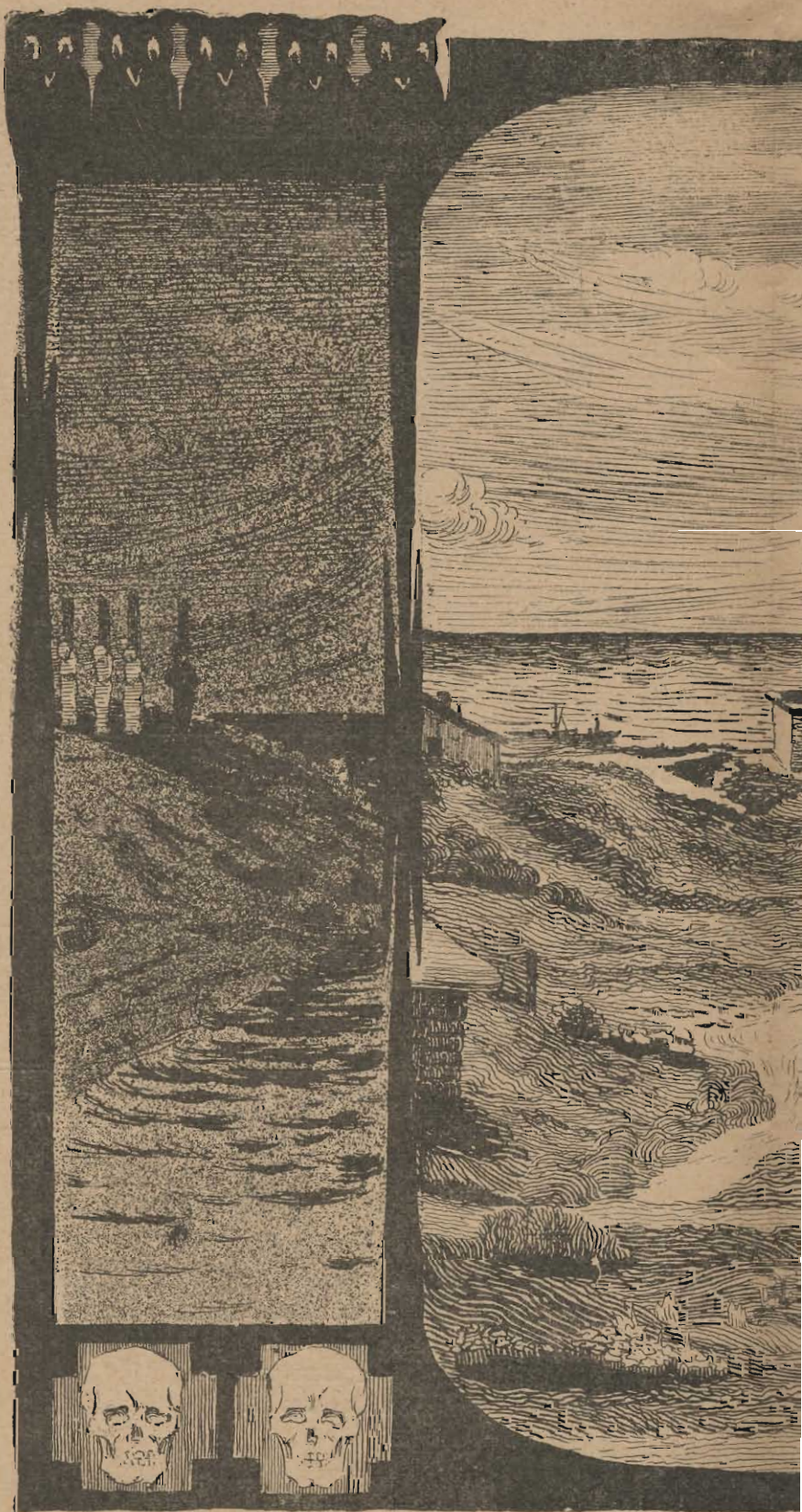

* * *

Пронеслися по небу съ тучами и громами
Пламенные молніи синими изломами,
И надъ сонной родиной, озаренной грозами,
Голосъ буревѣстника прозвучалъ угрозами.

И въ нѣмсомъ безмолвіи сумрака могильнаго,
Гдѣ съ ярмомъ сроднилась жизнь раба без-
сильнаго,
Раздалась восторженно пѣснь освобожденія,
Раздалась могучая пѣсня возрожденія.

В. Б.

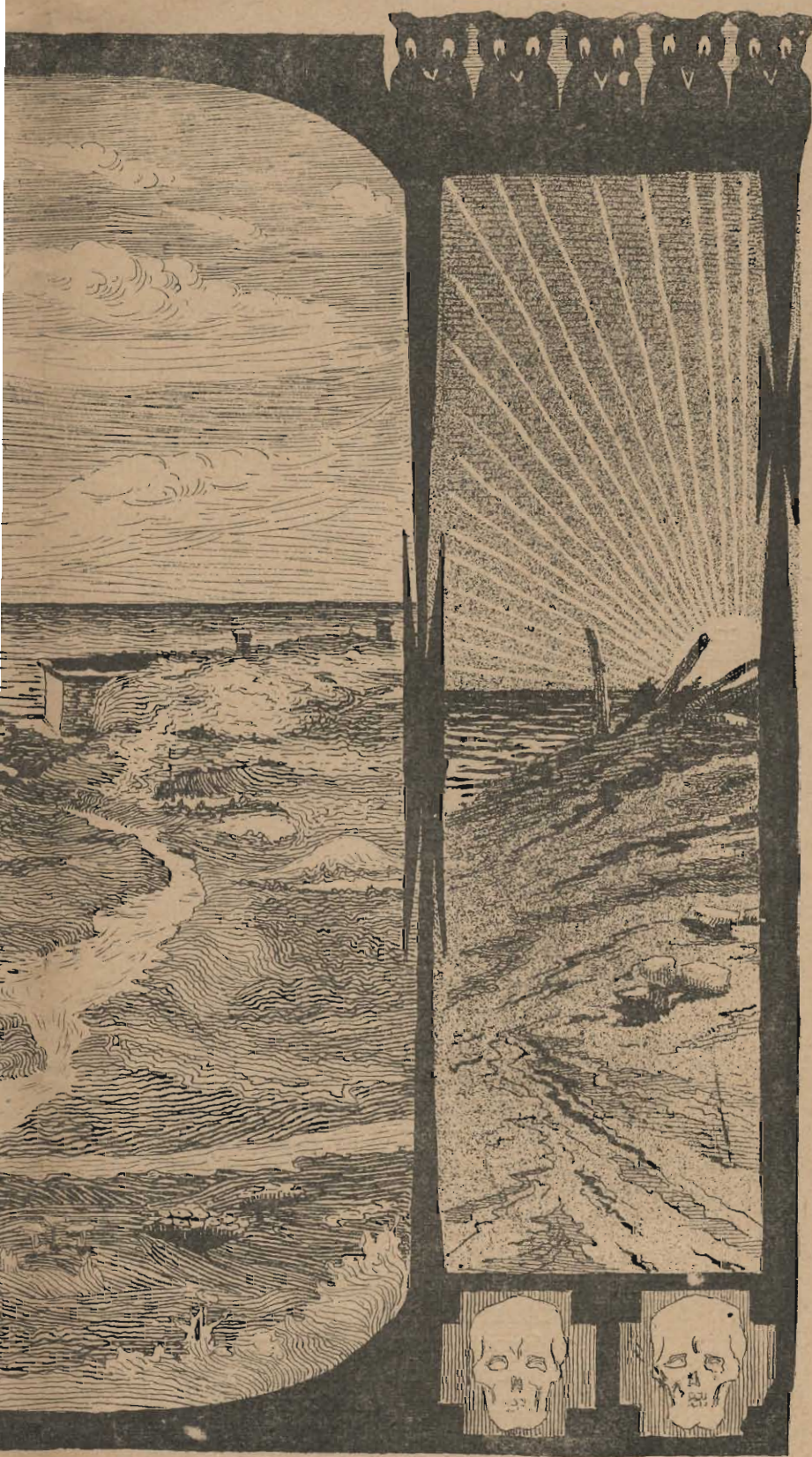

Опять на

Послѣ долгихъ, долгихъ лѣтъ скитаній
Вновь родной я городъ посѣтить,
Положъ грустныхъ думъ, воспоминаній,
По знакомымъ улицамъ бродить.

* * *

Лишь на стѣномъ крѣ-
Глубоко заснувши
На меня пахнуло
Стало мнѣ отраднѣй

на родинѣ.

Но—увѣ! ни одного родного
Не пришлось ужъ встрѣтить мнѣ лица,
И блуждалъ я, одинокій снова,
Тамъ, гдѣ близкимъ не было конца.

* * *

омъ кладбищѣ уныломъ,
взимъ средь полей,
ло чѣмъ-то милымъ,
аднѣй и теплѣй.

И. Гурвичъ.

* * *

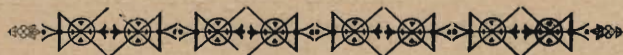
Шире, шире путь-дорогу!..
Тамъ, въ просторѣ голубомъ
Пыль взвивается столбомъ...
Шире путь!.. Долой тревогу!..

Жизнь стезею безконечной
Мчится бѣшено впередъ,
Жизнь не медлитъ, жизнь зоветъ
Къ цѣли яркой, къ цѣли вѣчной.

Въ царство мира и отрады
Жизнь должна насъ привести:
Тамъ, гдѣ жизнь должна пройти,
Тамъ не можетъ быть преграды.

Шире путь!.. Долой тревогу!..
Жизнь не медлитъ, жизнь не
ждетъ,—
Мчится бѣшено впередъ...
Шире, шире путь-дорогу!..

В. Михайловичъ.

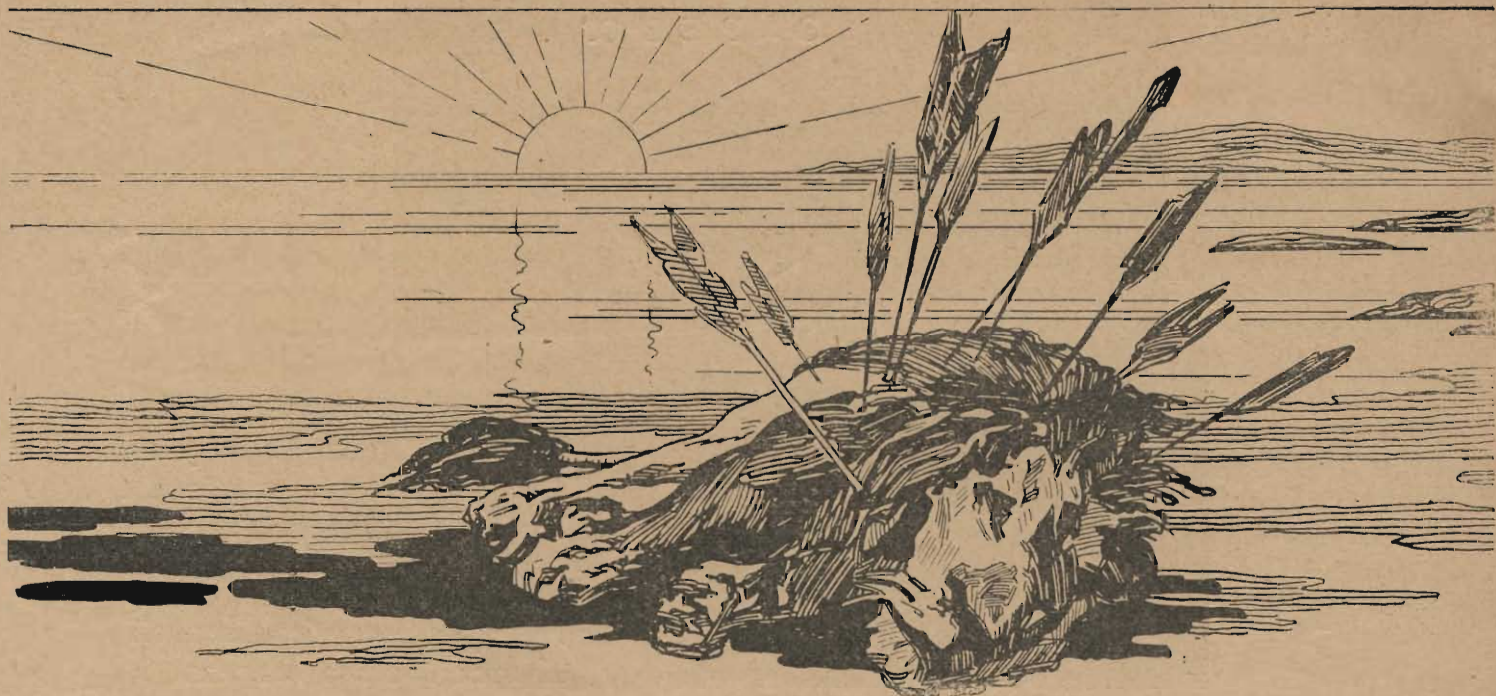

БЕЗКОНЕЧНАЯ НОЧЬ.

Конца не видно этой ночи,
Кипитъ равнина бурныхъ водъ,
Во мракъ напрягая очи,
Плывемъ безропотно впередъ.

Устали мы въ борьбѣ съ волнами,
Израненъ легкій нашъ челнокъ,
Тьма все сгущается надъ нами,—
А берегъ такъ далекъ, далекъ!

И. Г.

Деревенскіе мотивы.

У Вавилиныхъ воротъ
Собираться сталъ народъ,—
Дѣвки, бабы, мужички,
Молодежь и старички,—
Тутъ за мѣдный пятачекъ
Тѣшилъ Ванька-дурачекъ...
Всѣ держались за бока,—
Гогоча на дурака...

Былъ угрюмъ одинъ сосѣдъ—
Никодимычъ старый дѣдъ...

— „Ой, Ванюша, не дуракъ!

„Онъ лишь съ виду кажется такъ,

„А на дѣлѣ, право, онъ

„И находчивъ, и уменъ!“

— „Ну еще коленце, Ваня!“—

Громче всѣхъ смѣялась Таня.

Никодимычъ старый дѣдъ

Шамкалъ дѣвушкѣ въ отвѣтъ:

— „Полно, Таня! Перестань!

Издѣваться такъ!!

Вѣрь мнѣ, дѣвка, старику:

Ванька не дуракъ!“

* *

А дуракъ-Иванъ оралъ,
На гармоникѣ игралъ:

— „Слышалъ, братцы, отъ кумы:

„Скоро сыты будемъ мы,

„Будетъ податей отъѣна,

„Отъ казны приплюгуютъ намъ сѣно,

„И закроется кабакъ!“

— „Ну и скажетъ нашъ дуракъ!“

Гоготали мужики,

Дѣвки, бабы, старички.

— „Ну еще колѣнце, Ваня!“—

Громче всѣхъ смѣялась Таня...

Никодимычъ старый дѣдъ

Шамкалъ дѣвушкѣ въ отвѣтъ:

— „Полно, Таня! Перестань!

Издѣваться такъ!

Вѣрь мнѣ, дѣвка, старику:

Ванька не дуракъ!“

А дуракъ-Иванъ оралъ,
На гармоникѣ игралъ:

— „Говорилъ вечеръ Илья,

„Самъ ушами слышалъ я,—

„Подтвердитъ корявый Яковъ,

„Что приказъ есть: у казаковъ

„Всѣ нагайки отобратъ!“

— „Ну и Ванька! Буде вратъ!“

Гоготали мужики,

Дѣвки, бабы, старички...

— „Ну еще колѣнце, Ваня!“

Громче всѣхъ смѣялась Таня...

Никодимычъ старый дѣдъ

Шамкалъ дѣвушкѣ въ отвѣтъ:

— „Полно, Таня! Перестань!

Издѣваться такъ!

Вѣрь мнѣ, дѣвка, старику:

Ванька не дуракъ!“

* *

А дуракъ-Иванъ оралъ,
На гармоникѣ игралъ:

— „Слышалъ я такую вѣсть,

„Но боюсь вамъ перенести,

„Что измучившись народъ

„Отказался отъ свободъ:

„Лучше жить, молъ, просто такъ“...

— „Ну и скажетъ нашъ дуракъ!

Приуныли мужички,

Дѣвки, бабы, старички...

— „Замолчи-ка лучше, Ваня!“

Говорила парню Таня...

Никодимычъ старый дѣдъ

Ей не шамкалъ ужъ въ отвѣтъ...

И гармонику Иванъ

Спряталъ мигомъ подъ кафтанъ:

— „Да и въ-правду я дуракъ!

Кто со мной идетъ въ кабакъ?!“

В. Трофимовъ.

Изъ фихляндскихъ мотивовъ.

Молчать холодные утесы,
Храня суровый грозный видъ,
Небесный сводъ съдымъ туманомъ,
Какъ темной мантией обвить.

* * *

Земля въ объятяхъ мороза,
Укрыта снѣжной пеленой,
Нависли тучи грозовыя
Надъ молчаливою страной...

* * *

Народъ угрюмый,—терпѣливый,
Мечту завѣтную хранить...
Молчать холодные утесы,
Молчить задумчивый гранить.

В. Т.—овъ.

Швейцаръ и бѣдхакъ.

(Диалогъ у подъезда).

- У насъ огромный нынче съѣздъ!
— Моя семья три дня не ѣстъ!
— Горятъ роскошные огни!
— Безъ лампы въ комнатахъ они!
— Собрались гости на обѣдъ!
— На мнѣ пальтишка даже нѣтъ!
— Въ столицѣ первый балъ у насъ!
— Удобный выбрали вы часъ!
— Огромный въ залѣ столъ накрытъ!
— Куда скажите дѣлся стыдъ?!
— Рѣкой шампанское бѣжитъ!
— Земля отъ ужаса дрожитъ!
— У насъ на славу выйдетъ пиръ!
— Позоръ, позоръ на цѣлый міръ!
— У насъ побѣда изъ побѣды!
— Страна подъ гнетомъ тяжкихъ бѣдъ!
— Карета ѣдетъ! Проходи!
— Въ себѣ ты совѣсть разбуди!

Изъ Будапешта.

(Отъ собственного корреспондента).

Собрались депутаты —
Засѣданіе!..
Окружили солдаты
Цѣпью зданіе...
Цѣликомъ пять бригадъ
Артиллеріи,
Восемь тысячъ солдатъ
Кавалеріи...
Роты строились въ залѣ
Все пѣхотныя,
На готовѣ стояли
Пулеметныя;
Пушки грозно глядятъ—
Приготовлены,
Пулеметы подъ рядъ
Установлены...
Собрались депутаты
Все почтенные,
Чтобъ устроить дебаты
Откровенные...
Порѣшили молчать
О политикѣ,
Разговоръ начать
Лишь о критикѣ...
Но былъ отданъ приказъ
Отъ правительства
Водворить ихъ тотчасъ
Въ мѣсто жительства..
Разошлись депутаты
Съ неохотою,
Провожали солдаты
Цѣлою ротою...
Были скоро всѣ дома
Съ засѣданія,
И спаслись отъ разгрома
Стѣны зданія...

Корреспондентъ.

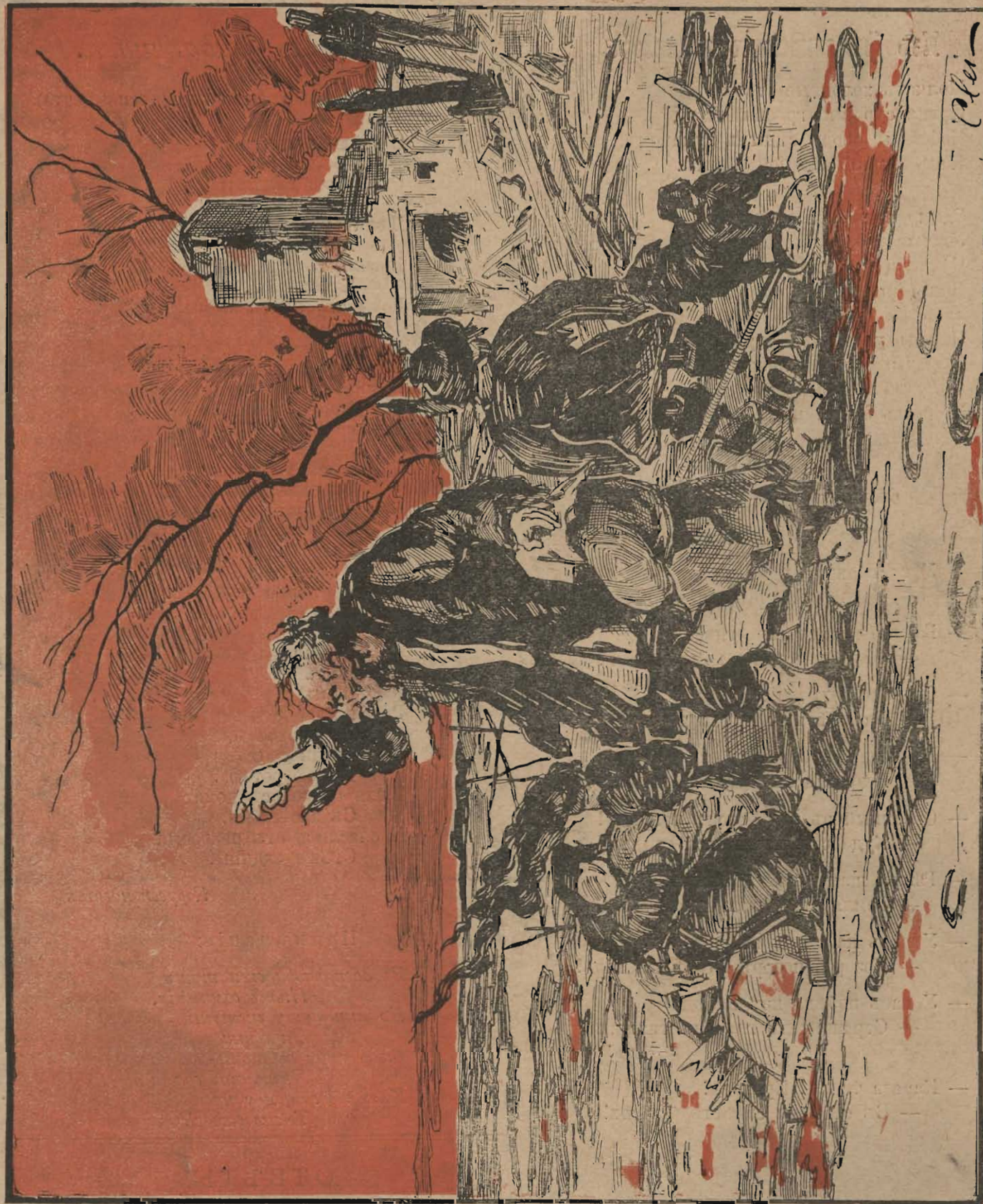
Примѣчаніе:

Въ достоверности тутъ
Нѣтъ сомнѣній,
Но мнѣ душу гнетутъ
Опасенія:
Видѣ уму въ этотъ-же часъ
Лишь отъ срама я,
Коль случится у насъ
То-же самое!

ОТВѢТЫ.

Подписчику № 3182 г-ну Жданову. Повторяемъ, что ваши вещицы недурны и могутъ быть напечатаны... Но какіе вы берете себѣ псевдонимы? Аврамовъ, Ждановъ, Фроловъ... Подъ этими фамиліями намъ печатать неудобно: зачѣмъ затрагивать почтенныхъ видныхъ дѣятелей освободительнаго движенія... Это некорректно... Если одна изъ фамилій ваша настоящая, то постарайтесь ее перемѣнить.

Подписчику № 219 г-ну А. П. (Москва). На всѣ вопросы о дѣйствіяхъ Семёновскаго полка мы не отвѣчаемъ... Въ видѣ исключенія можемъ сообщить, что, по частнымъ свѣдѣніямъ, роты сего полка отбыли, но, по официальнымъ опроверженіямъ, въ Москву не прибыли... Очевидно, задержались въ дорогѣ...

Отъ Редакціи.

Статьи для помѣщенія въ журналъ „Зарево“ должны быть доставляемы съ подписью и адресомъ автора и обозначеніемъ гонорара; при неисполненіи послѣдняго условія онѣ считаются безплатными. Статьи, неудобныя къ печати, уничтожаются. Редакторъ для личныхъ объясненій принимаетъ по субботамъ и средамаъ отъ 4—6 час.

ЛИТЕРАТУРНО-САТИРИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

ЗАРЕВО

выходить еженедѣльно въ 8 страницъ. Въ каждомъ № помѣщается 6—8 рисунковъ въ двѣ краски.

Цѣна отдѣльнаго № 10 коп.

Розничная продажа:—въ Столичной Артели—Стремянная 8.

Адресъ редакціи: СПб., Пят. стор. Звѣринская ул. д. 34, кв. 24.